18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

ПРИНЦ ГРАУСТАРКА

ЖЕНИХ НЕ ПРОДАЁТСЯ

адаптация и перевод
НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

Принц Граустарка. Жених не продаётся

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

Принц Граустарка. Жених не продаётся / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Американский миллионер Уильям У. Блитерс уверен, что за деньги можно купить всё, даже принца для дочери. А у маленького Граустарка как раз долги. Но князь Робин поклялся жениться только по любви — и на пароходе влюбляется в насмешливую попутчицу, которая с первого дня скрывает своё настоящее имя. Четвёртая книга о Граустарке Джорджа Барра Маккатчена в живой современной адаптации Натальи Мейтин.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I 6
ГЛАВА II 11
ГЛАВА III 16
ГЛАВА IV 22
ГЛАВА V 28
ГЛАВА VI 34
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Принц Граустарка
Жених не продаётся

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingeniim. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5991-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Наталья Мейтин
Принц Граустарка
Жених не продаётся
Авторская адаптация романа Джорджа Барра Маккатчена

ГЛАВА I

В которой граф оказывается мелковат, принц — в самый раз, а мистер Блитерс спорит, заткнув уши

— Дорогая, — решительно сказал мистер Блитерс, — мне ты этого не докажешь.

— Знаю, что не докажу, — не менее решительно ответила жена. Она прекрасно знала, когда мужу можно что-то доказать, а когда нельзя.

Сейчас было нельзя. Мистер Блитерс сидел, заткнув уши двумя твёрдыми указательными пальцами. Так он всегда побеждал в споре, который складывался не в его пользу. Дело было не в нехватке доводов: просто с закрытыми ушами говорить гораздо удобнее. Голос оппозиции не слышен, и вся дискуссия достаётся тебе одному. Конечно, было бы приятнее слышать и собственное красноречие. Но и так получалось убедительно.

Миссис Блитерс обычно говорила ещё минуты две-три, а потом умолкала в отчаянии. Со стеной долго не поспоришь. Но и бросить спор, пока у него остаётся хоть малейший шанс выжить, она не могла. Поменяйся они местами, мистер Блитерс давно вскочил бы и хлопнул дверью, не забыв на прощание указать жене на её ослиное упрямство. Миссис Блитерс была выше этого. Она оставалась сидеть и слушала глупые доводы — лишь бы не уступить мужу поле боя только потому, что ему вздумалось вести себя как ребёнок.

Двадцать пять лет она прожила с мистером Блитерсом — то вместе, то порознь — и знала его как свои пять пальцев. Это был напористый человек, который всегда добивался своего, даже если для этого приходилось затыкать уши. В одну из эпох их супружества, когда он сколотил жалкую кучку денег — чуть больше десяти миллионов долларов, — она решила пожить за границей, чтобы дать дочери образование. Тем временем он без помех довёл своё состояние примерно до пятидесяти миллионов — и это было только начало. Наезжая домой, она всякий раз убеждалась: пока у мужа целы обе руки, ни одного спора ему не проиграть. Утешало её одно: чтобы не слышать неопровержимого, ему всё-таки приходилось затыкать уши.

И ещё: когда он называл её «дорогая», а не просто Лу, это было признаком величайшего упрямства и никак, ни при какой игре воображения, не означало нежности. «Дорогая» он всегда говорил во весь голос и с большим раздражением.

Мистер Уильям У. Блитерс был человеком, который сделал себя сам. Начинал он погонщиком мулов на строительстве железной дороги и кричал на них так зычно, что другие погонщики пытались перенять его словарь. Тщетно: даже мулы понимали, что это безнадёжно. Позже, когда у него появились две-три собственные железные дороги, не говоря уже о нескольких рудниках и паровой яхте, люди слушались его ещё лучше, чем когда-то мулы. Но погонять мулов и людей — одно, а погонять жену — совсем другое. Какой смысл, жаловался мистер Блитерс, орать на существо, которое потом подойдёт и погладит тебя по голове? Ни один уважающий себя мул такого не сделает, а мужчина и подумать о таком не может без ужаса. Против того, кто ласково ерошит тебе волосы, после того как довёл тебя до белого каления, защиты нет. Так, во всяком случае, с горечью повторял мистер Блитерс.

Мистер и миссис Блитерс обсуждали царствующие дома.

Ещё неделю назад они ограничивались просто знатью. Но с тех пор произошло событие невиданной важности, и теперь было бы непростительной глупостью рассматривать в мужья для дочери кого-нибудь ниже принца крови. Дочь у них была одна — двадцатилетняя Мод Эпплгейт Блитерс.

Миссис Блитерс давно убедила мужа, что ни один обыкновенный смертный мужского пола руки их дочери не достоин. Она мечтала увидеть в фамильной родословной никак не меньше герцога — английского или итальянского. Мистер Блитерс одно время называл эту родословную «платёжной ведомостью». Поначалу он, как человек честный, упирался. Хоро-

ший американский джентльмен, говорил он, — лучшего зятя и желать нечего. А внука можно окрестить Дюком: многие так называют сыновей, и ничего. Вот и весь титул.

На это жена возразила, что Мод может выйти за человека по фамилии Джонс. И как, интересно, прозвучит «Дюк Джонс»?

Он робко предложил Мармадьюка — и так солиднее, и Дюк в нём есть. Но жена напомнила, как часто он хвастал, что для Мод на свете нет ничего слишком хорошего, и повела против его предрассудков настоящую живописную кампанию. Она расписывала герцогский дворец, где имя Джонсов если и прозвучит, то лишь когда её светлость, урождённая Блитерс, велит пятому лакею, третьему конюху или, скажем, судомойке сделать то, это или вон то. Картина так подействовала на воображение мистера Блитерса, что он забыл свою законную гордость и признал, что жена, пожалуй, права.

И вот, когда они уже готовы были согласиться вместо герцога на весьма многообещающего графа, вышеупомянутое событие спутало им все планы — или, если угодно, мечты. Событие было не меньше чем прибытие в Америку принца крови, к тому же правящего и холостого. Мало того: прибыл он не просто в Америку, а в обширное поместье по соседству с их собственным, в Катскиллских горах.

К счастью, с графом ничего ещё не было решено окончательно. Миссис Блитерс посоветовала не спешить с ответом на его несколько нетерпеливое предложение — тем более что, по слухам, у графа хватало своих средств, чтобы замок не пошёл с молотка в ближайшее время. Пусть муж напишет, что считает разумным подумать недельки две, но ничего твёрдо не отвергает.

— Решительное «может быть»! — восхитился мистер Блитерс. — В жизни не слыхал ничего изящнее.

И велел секретарю немедленно подготовить для встревоженного аристократа тактичное письмо.

Супруги сошлись на том, что принц завиднее графа. А раз уж целиться, то повыше. Мистер Блитерс, правда, туманно поинтересовался, не стоит ли тогда рассмотреть и короля, но жена быстро его поправила.

Надежды подкреплял один бесспорный факт. Мать князя вышла замуж за американца — значит, прецедент есть, и никакой закон этому не помеха. Мало того, жила она с мужем очень счастливо, что бы там ни говорили критики. И познакомилась с ним на американской земле — тоже доброе предзнаменование. Что может быть естественнее, чем сыну пойти по стопам своей прославленной матери? Если американский джентльмен оказался достоин княгини, то почему бы не наоборот? Достоинств у Мод Блитерс было уж точно не меньше, чем у любого мужчины в Америке.

Князь, как выяснилось, неторопливо пересёк континент в кругосветном путешествии и теперь гостил у Тракстона Кинга и его жены. Этот визит ему обещали давно, и ждал он его с нетерпением. Сколько он пробудет — зависело отчасти от него самого, а отчасти от военных разговоров, которые всё громче вели между собой две великие европейские державы, Россия и Австрия. В Европе давно пахло порохом, державы глухо ворчали друг на друга, и теперь уже все признавали, что положение опасное.

Мистер Блитерс знал наверняка: маленькое княжество, которым правил молодой человек, в эту бурю непременно втянут. Не как воюющую сторону и не как союзника — а через заём. Срок русского займа Граустарку истекал, как назло, в нынешнем же году. Готовясь к огромным военным расходам, Россия вряд ли захочет его продлевать. Заём, скорее всего, потребуют вернуть, а заплатить из собственных скудных средств Граустарку нечем: два года подряд на страну обрушивался неурожай, и как раз тогда, когда достаток был нужнее всего.

Мистер Блитерс держал руку на пульсе всех финансовых столиц мира и знал, что повсюду сейчас одно слово — «экономия». Занять денег в такое время маленькому княжеству будет

непросто. А Россия не расположена миловать должников, как бы мало они ни были должны. Кто должен — с того спросят. Кто просит — того выставят за дверь, не особенно церемонясь. Про себя мистер Блитерс был уверен, что молодой князь и его доверенные спутники приехали в Соединённые Штаты ровно за этим: найти заём там, куда можно достучаться только лично.

Но об этом мистер Блитерс, разумеется, не смел шепнуть ни одной живой душе. А жене — тем более: жена для такого дела была душой слишком уж живой.

Впрочем, всё это к делу не относится. Молодой князь Граустарка наслаждался американским гостеприимством. И что бы он ни задолжал России, Америка задолжала ему самое щепетильное внимание. Если мистер Блитерс что-нибудь и скажет на этот счёт, то на ухо самому князю, а не всяким досужим болтунам.

Главное же вот что. Князь отдыхал, можно сказать, в двух шагах от обширной и величественной загородной резиденции мистера Блитерса. Был он на редкость обаятельным молодым человеком и смеялся так заразительно и от души, что не верилось, будто в его здоровом молодом теле течёт хоть капля царственной крови. А смешнее всего было то, что мистер и миссис Кинг жили в скромном, увитом плющом домике, который легко потерялся бы среди людских флигелей Блитервуда. Особенно раздражало, как Кинги себя держали. Люди, в сущности, никакие — так, во всяком случае, считали в Блитервуде, где не придавали значения граустаркскому баронскому титулу, купленному, надо полагать, по случаю. А туда же: зовут высочайшего гостя «Бобби» и гоняют его с поручениями к своим дамам, как юнца, приехавшего из города на выходные.

Слова, с которых начинается эта глава, мистер Блитерс произнёс в ответ на заявление, которое жена повторяла снова и снова. Сидели они под красно-бело-синим полотняным навесом на террасе, откуда, как с высоты трона, открывался вид на скромную красную крышу виллы Кингов в долине. Миссис Блитерс всего-навсего сказала — но много раз подряд, — что не всё на свете продаётся за деньги. Прямо она имела в виду положение в обществе, а косвенно — их тайную мечту заполучить для Мод принца крови. Но прежде она бросила крайне обидный намёк: что муж, видимо, не в своём уме, раз предлагает пригласить принца погостить в Блитервуде недели на две. Пусть, мол, тот сократит свой визит к мистеру и миссис Кинг — а они, по уверениям мистера Блитерса, принимать особ царствующего дома так, как те привыкли, не в состоянии.

Долгий опыт научил мистера Блитерса довольно точно читать по губам и глазам. Следя за возмущённым лицом жены, он всегда понимал, когда она начинает уступать доводам рассудка. Человек он был грузный и властный и рассуждал за всех, кто находился в пределах слышимости его голоса. Уши он затыкал только тогда, когда жена переходила на холодный сарказм. Вот тогда он гремел ей свои мнения прямо в лицо и радостно засыпал её фактами, спорить с которыми было бесполезно. Сейчас он понимал — так ясно, словно слышал каждое слово, — что жена говорит:

— Что ж, с тобой спорить бесполезно, Уилл. Делай как знаешь, раз тебе так хочется.

Он с некоторой опаской покосился на неё, осторожно сунул большие пальцы в проймы парчового жилета и провозгласил:

— Я уже говорил, Лу, и повторю: нет в Европе такого аристократа, от императора и ниже, который отказался бы от нескольких миллионов долларов. Все они на мели. И какой им прок жениться на благородных девицах, если папаши этих девиц сидят на такой же мели? К тому же разве Мод не представляли ко двору? Не ты ли сама это устроила? А жемчужное ожерелье, которое я подарил ей к представлению? Разве не о нём говорил весь сезон? Не было в Англии герцога, который не прикинул бы, во что оно мне обошлось, с точностью до гинеи. Ни у одной девушки не было лучшей рекламы, чем…

— Мы говорили о князе Робине, — заметила жена и чуть заметно вздрогнула.

Миссис Блитерс была лучшего происхождения, чем её муж, и его промахи то и дело заставляли её морщиться. Она родилась в Провиденсе и иногда упоминала об этом, когда очень хотела его осадить, — пожалуй, не со зла, а чтобы напомнить, что у их дочери в жилах течёт хорошая кровь. Мистер Блитерс где-то слышал, что сам он впервые увидел свет в Джерси-Сити, хотя после того, как он прославился, его объявил своим уроженцем Ньюарк. Сам он над этим вопросом голову не ломал.

— Ну, он такой же, как все они, — сказал он, чуточку помедлив.

Что-то подсказывало ему, что о ценах лучше бы не распространяться даже в кругу семьи. Он слышал, будто о своём добре говорят только люди вульгарные.

— Так вот, нет никаких причин не рассмотреть его предложение. Он…

— Предложение? — в ужасе воскликнула жена. — Он не делал никакого предложения, Уилл! Он даже не знает, что Мод существует на свете. Как у тебя язык поворачивается?

— Я просто смотрю вперёд, вот и всё. Мой девиз — «Смотри вперёд». Ты его знаешь не хуже меня. Где бы я был сегодня, если бы не смотрел вперёд и не видел, что будет, раньше, чем другие продерут глаза? Ну-ка, скажи мне. Где, я спрашиваю? Больше того: где бы я был сейчас, если бы вовремя не разглядел, что значит для меня в долгосрочной перспективе брак с дочерью судьи Мортона?

Ему показалось, что он сказал очень милый и убедительный комплимент.

— Я в жизни не заключил ни одной плохой сделки, Лу, и когда женился на тебе, это была не игра в угадайку. Ты, моя дорогая старушка, — ты прочный фундамент, на котором я…

— Знаю, — устало сказала она. — Ты повторял это тысячу раз: «Фундамент, на котором я воздвиг храм своего благосостояния». Да, Уилл, знаю. Но я по-прежнему решительно против того, чтобы мы выставили себя на посмешище перед мистером и миссис Кинг.

— На посмешище? Не понимаю.

— Поймёшь, когда подумаешь, — спокойно сказала она.

Он нахмурился в полном недоумении.

— А разве он не пара для Мод? — спросил он через несколько долгих минут. Ему казалось, что он подумал.

— Ты что, собираешься его похитить, Уилл?

— Ещё чего! Но тебе стоит только сказать, что он подходящий жених для Мод, и я… я сделаю всё остальное. Вот я какой, Лу. Ты говоришь, что не хочешь графа Как-Бишь-Его — ну, то есть хочешь уже не так, как раньше, — и говоришь, что для Мод не было бы ничего лучше, чем стать княгиней Гростика…

— Граустарка, Уилл.

— Я так и сказал. Ну так вот: если ты хочешь, чтобы она стала княгиней этого самого, я позабочусь, чтобы так и было. При условии, что он джентльмен и её достоин. Единственный принц, с которым я был знаком, оказался чёртовым прохвостом, так что с этим я буду осторожен. Помнишь того паршивого…

— В князе Робине никаких сомнений быть не может, — резко сказала она.

— Тогда вопрос один: сколько он запросит?

— Ты имеешь в виду… приданое?

— Ясное дело.

— Неужели в тебе нет ни капли романтики, Уильям Блитерс?

— Я никогда не верил в сказки, — мрачно ответил он. — И дешёвым романам, где американские герои направо и налево женятся на особах царствующих домов, тоже не верю. Так не бывает, Лу. Хочешь породниться с царствующим домом — выкладывай денежки.

— Позволь тебе напомнить, что мать князя Робина, бедная княгиня Йетива, вышла за американца по любви.

— Гм! А где он вообще, этот Грусток?

— «Где-то к востоку от заката», — процитировала она. — И научись наконец правильно произносить его название.

— Иностранные языки мне никогда не давались. Кстати, а где Мод?

— Катается на автомобиле.

Он подождал продолжения. Продолжения не последовало, и он с некоторым страхом спросил:

— С кем?

— С молодым Сковиллом.

Мистер Блитерс нахмурился.

— Бездельник, Лу. Никуда не годный малый. Не нравится мне, что ты позволяешь…

— Он из очень хорошей семьи, дорогой. Я…

— Он что… э-э… влюблён в неё?

— Разумеется.

— Господи!

— А что тут такого? Разве в неё не влюбляются все, кто её видит?

— Да… наверное, — смущённо признал он. И вдруг просиял: — Так почему бы и этому принцу не влюбиться по уши? Ну вот видишь! А это, поверь мне, скажется на приданом. Миллиона на два, не меньше, если…

Она резко поднялась.

— Ты просто отвратителен, Уилл. Неужели ты ни о чём не можешь думать, кроме…

— Глянь-ка, это не Мод там едет по аллее? Она самая! Чтоб мне провалиться, ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? По красоте и шику она их всех обставит на милю вперёд, и… Да, кстати, — он понизил голос до хриплого заговорщицкого шёпота, — я бы ей пока ничего не говорил про замужество. Сначала хочу сам к нему присмотреться.

ГЛАВА II

Где невеста ревёт с трёх лет, жених не желает её видеть, а казна пуста, как карман после ярмарки

Князь Робин Граустаркский был такой красивый малый, что другого такого не встретишь и за неделю пути. Мало кто заподозрил бы в нём потомка длинного и славного рода государей. Выдавало его только одно — то неуловимое, но несомненное нечто во взгляде, которое не просило, а требовало почтения. Смеялся он свободно и весело, держался легко, по-мальчишески, и настроение у него искрилось, как шампанское. Но под всей этой беспечностью лежала спокойная твёрдость человека, рождённого для своего места. Она смотрела из его прямых, немигающих глаз, даже когда в них плясали смешинки. Мир она встречала с безмятежной властностью, без всякого бахвальства: так смотрят люди, за спиной у которых стоят века. Он был сыном владетельной княгини, и кровь трёх десятков правителей досталась ему в наследство, как сила.

Его мать, прекрасная, милостивая и всеми оплакиваемая Йетива, когда-то переполошила все европейские дворы, выйдя замуж за американца Лорри. Особым решением совета, которое одобрил весь народ, этот брак признали законным, и сын американца не лишился права на престол, который его предки занимали веками. От матери он унаследовал право государей, от отца — дух свободы. От матери — силу величия, от отца — умение видеть сквозь это величие. Ему было пять лет, когда он осиротел, и бремя государственных дел легло на плечи трёх преданных людей. Они правили регентами, пока он не достиг совершеннолетия.

Правили они мудро, служа и ему, и народу все годы между гибелью княгини с её супругом и днём, когда князь вырос. Тот день стал для Граустарка праздником. Народ обожал маленького князя ещё в коротких штанишках и смотрел, как он растёт, с надеждой и спокойным сердцем. А теперь сделал его настоящим правителем — с той же радостью, с какой когда-то смотрел, как он «понарошку» правит с огромного трона, едва доставая ножками до края сиденья. На запутанных заседаниях кабинета маленький государь, бывало, сладко засыпал, и никто не считал, что он много теряет.

Ему было семь, когда граф Марланкс поднял свой великий мятеж и едва не опрокинул правительство. Маленький князь держался тогда так, как и подобает князю. В те опасные дни он и познакомился с отважным Тракстоном Кингом, у которого теперь так счастливо гостил. Но ещё раньше Тракстона Кинга он узнал прелестную девушку, ставшую женой этого преданного искателя приключений. Для него она навсегда осталась «тётей Лорейн».

Первые годы жизни он провёл больше в Вашингтоне, Лондоне и Париже, чем дома. Но после гибели родителей подданные так ревниво берегли его драгоценную особу, что он ни разу не ступил за границы Граустарка. Исключений было три. Дважды, с промежутком в несколько лет, он ездил с большой помпой к венскому и петербургскому дворам. А в семнадцать лет тайно съездил в Лондон — ему непременно хотелось увидеть большой футбольный матч.

Всякий раз его сопровождали бдительные министры и кое-какие части армии, которая к тому времени стала уже далеко не игрушечной. Матч он, между прочим, смотрел с обычной трибуны, среди тысяч ничего не подозревавших британцев. Справа и слева его плотно зажимали два генерала его собственной армии, а с флангов — министр полиции, министр финансов и военный министр. Все пятеро смертельно скучали и были более или менее потрясены его совсем не княжеским восторгом. Но он настоял на том, чтобы ехать инкогнито и насладиться игрой вовсю, как настоящие зрители — те, кто сидит или стоит в давке, как сардины в банке.

Регентство кончилось, когда ему исполнилось двадцать, и он стал править на деле — и собой, и полумиллионом подданных, которые терпеливо ждали этого великого дня. Во всём славном полумиллионе в тот день не нашлось ни одного недовольного. Он был их князем, и они его горячо любили. А сам он после того чудесного дня уже никогда не забывал, что он

князь и что сердца полумиллиона людей будут биться для него с любовью, пока он остаётся человеком — а не только князем.

❦

Мистер Блитерс был очень близок к истине, когда говорил (про себя, если помните), что дела далёкого княжества не так уж хороши.

Граустарк действительно задолжал России около двадцати миллионов гавво — иными словами, тридцать миллионов долларов, — и час расплаты был совсем близок. Странная у этой маленькой страны судьба: ровно столько же она когда-то задолжала Аксфайну после проигранной войны. Старики в Эдельвейсе ещё помнили, чем кончилась та история.

Заём взяли на двенадцать лет — против совета Джона Таллиса. Этот американский финансист давно принимал к сердцу судьбу княжества, ещё со времён дружбы с покойным князем-консортом Лорри. Он с самого начала понимал, что Россия окажется жёстким кредитором, как бы искренне она ни уверяла скромного заёмщика в своей дружбе. Но после того, как казаки великого князя Павла выручили Эдельвейс в дни мятежа, отказать Петербургу показалось в кабинете чёрной неблагодарностью. Упрямое большинство переломило Таллиса, и долг был заключён.

Народ сам проголосовал за новые налоги, и в правительстве наступили годы бережливости. Казна строила железные дороги, шоссе, мосты и акведуки и сама ими владела. Отстроили всё, что разбили в мятеж Марланкса. Казалось, правительство вот-вот окажется право, и Таллис, который по-прежнему жил в Эдельвейсе, честно признал, что, похоже, ошибался он. Народ богател, налоги платили сполна и без ропота. Резервный фонд рос медленно, но верно, и всё говорило за то, что, когда настанет срок, огромный долг вернут наличными.

Но на самом гребне благополучия пришла беда. Два года подряд не родился хлеб, а по стадам прошёл мор. Поток гавво, лившийся в казну, превратился в жалкий ручеёк. То немногое, что поступало, поневоле уходило на управление и содержание армии, и на так называемый фонд погашения не оставалось ни гроша.

Оставался год отсрочки. Министр финансов давно избавился от иллюзии, будто легко будет занять у Англии или Франции и расплатиться с русскими. На то, что царь продлит заём хоть ненадолго и хоть под более высокий процент, надежды было мало. Великие державы Европы ясно дали понять маленькому княжеству, что не станут совать палец в русский пирог. Россия готова была воевать со своей великой соседкой Австрией. Дипломатия — или, если угодно, осторожность — требовала, чтобы прочие державы сидели тихо и занимались своими делами. Ни одна не могла позволить, чтобы её обвинили в дружбе, даже окольной, с одним из рассерженных ворчунов.

В дипломатических кругах слишком хорошо знали, что России нужны граустаркские дороги: по ним можно перебросить войска в отдалённый и почти неприступный край Австрии. Если долг вернут в срок, по международному праву русский медведь не сможет забрать ни этих дорог, ни хотя бы части западной границы княжества. Австрии, разумеется, было бы выгодно, чтобы долг поскорее погасили. Но её отношения с Россией были натянуты до предела, и любое предложение выручить Граустарк сочли бы открытым вызовом. Руки у Австрии были связаны.

Север и запад Граустарка богаты рудниками. На русские деньги туда и провели дороги, чтобы уголь и медь могли выйти к мировым рынкам. Давая заём, Россия потребовала эти богатые края в залог, и Граустарк в недобрый час согласился, не подозревая, какую шутку сыграет с ним в конце концов матушка-природа.

Частные банки Европы в такой обстановке рисковать не желали. Деньги в эти суровые дни были дороги и в Европе, и в Америке. Повсюду одно слово — осторожность. Большая европейская война была вполне возможна, как ни старались державы остаться в стороне.

Не ошибся мистер Блитерс и в другом. Князь Робин и его спутники приехали в Америку именно сейчас не без надежды. Граустарк отложил едва половину суммы, нужной, чтобы рас-

считаться с Россией. Недостающие пятнадцать миллионов долларов князь вполне мог рассчитывать найти у частных людей в Нью-Йорке.

Просить у своих он не собирался, хотя и Таллис, и отец Тракстона Кинга были людьми очень богатыми.

— У друзей в долг не берут, — сказал он как-то. — Потеряешь либо деньги, либо друзей. А мне не хочется терять ни того, ни другого.

К тому же Таллис был нужен дома: кто-то должен был держать в узде парламент, пока государь путешествует.

❦

За шесть недель до Нью-Йорка молодой князь высадился в Сан-Франциско. Он приплыл через Восток, и с ним были начальник штаба граустаркской армии — полковник, а ныне граф Куиннокс, потомственный сторожевой пёс правящего дома в пятнадцатом поколении, — и молодой гвардейский лейтенант Боске Данк. Оба отдали бы за своего государя тысячу жизней. Не менее предан был и слуга — тот самый англичанин Хоббс, что когда-то водил туристов от конторы Кука. Камердинер из него вышел никудышный, зато по части багажа и расписаний ему не было равных. Опоздать на поезд, который Хоббс счёл правильным, было решительно невозможно.

Князь Робин приехал без всякого шума и пересёк континент, не привлекая к себе больше внимания, чем достаётся всякому красивому молодому человеку. Как и его мать почти четверть века назад, он путешествовал инкогнито. Только она выбрала довольно выразительное имя Гуггеншлоккер, а он значился в гостиничных книгах как «мистер Р. Шмидт со слугой».

Князь Робин был неисправимый романтик. Историю любви своих родителей он знал наизусть. Прекрасная княгиня Йетива впервые увидела Гренфолла Лорри в экспрессе, шедшем на восток из Денвера. Их удивительный роман родился, можно сказать, в купе пульмановского вагона и расцвёл так пышно, что едва не опрокинул династию: никогда ещё за все девять веков правитель Граустарка не опускался до брака с простолюдином.

Поэтому, когда дальновидные министры и Палата знати принялись подыскивать молодому государю жену, они первым делом обратились к князю Давсбергена, чьи земли граничат с Граустарком на юге. На тайном совещании любезные сваты единодушно выбрали наследную княжну Давсбергенскую, которой было тогда всего пятнадцать. Робину в то время было семнадцать, и он только-только излечился от безрассудной любви к своей немолодой учительнице французского.

Князь Давсбергена прислал посольство вельмож заверить соседа, что такой союз ему весьма по душе и что в своё время о помолвке можно будет объявить. Но увы! Оба двора упустили из виду, что в жилах обоих молодых людей течёт независимая американская кровь. Ни князь Граустарка, ни наследная княжна Давсбергена — чья мать в девичестве была южанкой из Вашингтона, мисс Беверли Кэлхун, — не собирались слушать голос благоразумия. Напротив: с безопасного расстояния, через горы, юные упрямцы, фигурально выражаясь, воротили друг от друга носы, честно признавались, что ненавидят друг друга, и заявляли, что их никто не заставит жениться, что бы там ни говорили. Или что-то в этом роде.

— Вы думаете, я соглашусь жениться на девушке, которую в глаза не видел? — гневно спросил семнадцатилетний Робин. — Ни за что, господа. Я сначала осмотрюсь, если позволите. На свете полно девушек. Я женюсь на той, какую захочу, или вообще не женюсь.

— Но, ваше высочество, — возражали они, — нужно же внять голосу разума. У престола Граустарка должен быть наследник. Неужели вы допустите, чтобы ваше имя угасло вместе с вами? Юная княжна…

— …пятнадцати лет, вы говорите, — величественно перебил он. — Приходите лет через десять, тогда и потолкуем. А связывать себя словом с девочкой в коротком платьице я не стану, будь у неё какое угодно имя. Она хоть смеяться умеет?

Этого господа не знали. Юную даму они не видели.

— Я видел её, когда ей было три года, — сказал Робин. — Она ревела. И, господа, ревела она без передышки. Больше я о ней ничего не знаю. Нет, я на ней не женюсь. Будьте добры передать князю Давсбергена, что я весьма ему признателен, но об этом не может быть и речи.

А пятнадцатилетняя наследная княжна за горами преспокойно объявила любящим родителям, что ей вообще надоело быть княжной и что она куда охотнее вышла бы за кого-нибудь, кто живёт в домике. Словом, она топнула ножкой и сказала, что скорее бросится в реку, чем выйдет за князя Граустарка.

— Но он очень красивый, очаровательный мальчик, — начала было мать.

— И наполовину американец, как и ты, дитя моё, — ободряюще вставил отец. — Ничего не может быть удачнее, чем…

— Я вообще не собираюсь замуж, пока мне не исполнится хотя бы тридцать, так что и говорить не о чем, папочка… то есть ваше бедное старое высочество.

— Никто, естественно, не ждёт, что ты выйдешь замуж, не успев вырасти из коротких платьиц, дорогая, — сухо сказал князь Дантан. — Но помолвка — совсем другое дело. Такие браки принято устраивать за много лет…

— А князь Робин в меня влюблён?

— Я… кхм!.. какой глупый вопрос. Он не видел тебя с тех пор, как ты была совсем крошкой. Но он в тебя влюбится, не бойся.

— Он, может быть, влюблён в кого-нибудь другого. А я тогда при чём?

— При чём? — ахнул отец.

— Она ведь отчасти американка, милый, — с самой очаровательной улыбкой объяснила мать.

— Кроме того, — твёрдо сказала наследная княжна, — я даже обручаться не стану с человеком, которого никогда не видела. А если вы будете настаивать, я сбегу, вот увидите.

На том дело и встало. С первых сватовских шагов двух дворов прошло пять лет. Было ещё несколько хитрых попыток вразумить молодых людей, но они вызывали у «воюющих сторон» лишь презрительный смех. Так называл их почтенный барон Данглосс, служивший в ту пору последние свои годы, — и в его резком старческом голосе звучала гордость.

— Всё оттого, что смешали кровь, — мрачно сказал премьер-министр.

— Или улучшили её, — сказал барон, и на него посмотрели с неодобрением.

И никто не заметил зловещей тени, которую отбрасывала тоненькая дочь Уильяма У. Блитерса, — по той простой причине, что ни в Граустарке, ни в Давсбергене о её существовании не знали. Там пребывали в безмятежном неведении, что Господь, раз уж взялся за дело, послал в мир Мод Эпплгейт Блитерс в тот же самый день, когда впервые увидела свет наследная княжна Давсбергенская.

❦

В день, когда ему исполнилось двадцать два года, князь Робин отправился искать любовь и романтику — и не без надежды на приключения, потому что был малый храбрый и в жилах у него текла кровь воинов.

— Я пройду по большим дорогам, по которым ходила моя мать, — мечтательно говорил он себе, думая о долгом пути, — и буду искать Золотую девушку, которая сидит у дороги. Она должна там быть. Мир велик, но я молод, и глаза у меня зоркие. Я найду её у обочины — она будет ждать меня, а не томиться в мрачном замке среди призраков сотни предков. Кто живёт в замках, женится, чтобы ненавидеть. Кто женится у дороги, живёт, чтобы любить. Удача, будь со мной! Если любовь ждёт у дороги, не дай мне пройти мимо. Не все принцессы сидят за стенами замков. Иные сидят за воротами и смеются от радости, потому что с ними любовь. Итак, в путь, тра-ля-ля! — искать принцессу с весёлым сердцем и смеющимися губами!

Но — увы его прекрасной юной мечте! — ни Золотой девушки у дороги, ни чего-нибудь хоть отдалённо похожего на романтику он не нашёл. Весёлые сердца и смеющиеся губы попадались — и, похоже, все для него, — но он проходил мимо, потому что глаза у него были зоркие, а голова ясная. И вот наконец он приехал в Нью-Йорк — с сердцем свободным, как воздух, и с признанием, что поиски оказались напрасными. История не повторилась. Видно, роман его матери так и останется единственным в своём роде.

— Что ж, зато я повеселился, пока искал, — философски заключил он (про себя: о его тайной затее не знала ни одна живая душа) и посмеялся над собственной сентиментальностью. — Я осёл, что вообще мечтал найти её по дороге. А если бы и нашёл — что, чёрт возьми, я стал бы с ней делать? Теперь не средние века, невест не похищают. Пожалуй, мне и лучше, что я её не нашёл. Охота искать дальше у меня не пропала, а это уже немало.

И вслух:

— Хоббс, мы не опаздываем?

— Нет, сэр, — сказал Хоббс, даже не взглянув на часы. Поезд шёл уже по северу Манхэттена. — Минута в минуту, сэр. Будем на месте через десять минут, если ничего не случится. Мистер Кинг встретит вас на вокзале, сэр. Будут распоряжения, сэр?

— Будут. Ущипни меня, Хоббс.

— Ущипнуть ваше высочество? — изумился Хоббс. — Помилуй бог, сэр, да как же…

— Хочу убедиться, что сон кончился. Ладно, не надо. Можешь не щипать. Я проснулся.

И, чтобы доказать это, он с наслаждением потянулся всем своим сильным молодым телом.

В ту ночь он сладко спал в Катскиллских горах.

ГЛАВА III

Где мистер Блитерс заходит на минутку, высиживает два сета и остаётся ужинать вопреки всем надеждам хозяев

Повторю: князь Робин был такой красивый малый, что другого такого не встретишь и за неделю пути. Ростом чуть ниже шести футов, стройный, прямой и сильный — той силой, какой силён хороший клинок. Волосы тёмные и прямые, глаза почти чёрные с синевой, щёки смуглые и румяные от здоровой, размеренной жизни. Нос, рот и подбородок — чёткие, волевые, а лоб широкий и гладкий, такой безмятежный, что мог бы принадлежать женщине. С первого взгляда вы приняли бы его за здорового, азартного американского спортсмена, только что из колледжа. Но та самая серьёзность в глубоко посаженных задумчивых глазах заставила бы вас подумать дважды, прежде чем назвать его желторотым. Жизнь он любил и время для игр использовал вовсю. Но над его молодой головой всегда висела тень княжеского венца — ноши, которую ему предстояло нести до конца царствования, в радости и в горе, в мире и в смуте.

Эту тень он увидел, когда был ещё совсем малышом. Она шагала рядом с ним, как живая, и никогда не отставала. Он не мог быть как другие мальчишки, потому что был князем, а быть князем — дело серьёзное! Тысячу раз мальчиком он мечтал взять отпуск от собственного титула — хоть недели на две — и побыть самым обыкновенным сорванцом, как сыновья старшего конюха Петрове. Он согласился бы даже на порку, которую те получали от отца, — лишь бы насладиться проказами, за которые полагалась эта порка. Но увы! Взбучки ему не полагались. Его мягко журили, и только.

Однако его отважный дух находил выход во многих славных, хотя и тайных, потасовках с мальчишками всех размеров. Нередко ему крепко доставалось от простолюдинов, которые никогда не были до конца уверены, что им не отрубят голову за такую услугу, но, раз уж взялись, дрались как дикие котята. Драки всегда были честные: он дрался как мальчишка, а не как князь. Поражения он, правда, принимал как князь, а победы — как мальчишка. Больше всего на свете ему хотелось играть в футбол. Но вместо этого его учили фехтованию, верховой езде, стрельбе и теннису. «В футбол, — говорили ему, — смотрят, а не играют». Хорош довод, говорил Робин!

Как бы там ни было, он был цел и невредим. Ни сломанного носа, ни помятых рёбер, ни негнущихся плеч, ни слабых лодыжек, и все зубы на месте. За всю свою честолюбивую юность он не добился ничего прочнее разбитого носа, рассечённой губы или синяка под глазом, да и за эти-то блага приходилось изрядно потрудиться. Обиднее всего, по его горьким жалобам, было то, что он крепок как гвоздь и силён как бычок — и всё это добро пропадает зря.

❦

К концу первой недели на «Красной Крыше», летнем доме Тракстона Кинга с женой, князя можно было застать однажды под вечер на широком газоне. Он играл в теннис с хозяйкой, прелестной и живой «тётей Лорейн». Миссис Кинг навсегда осталась для него «тётей Лорейн», а он для неё — Бобби.

Ей было немного за тридцать пять, и она была лёгкой и подвижной, как девочка. Щёки её горели от счастья и азарта игры, и князю приходилось нелегко, хотя она требовала, чтобы он играл в полную силу.

Тракстон Кинг, рослый и ленивый, развалился на траве и судил игру. Рядом с ним расположились две хорошенькие девушки, лейтенант во фланелевом костюме и церемонный граф Куиннокс — седой, сухощавый вояка с сабельными шрамами на щеке и пулей в боку, оставшейся ему на память об осаде замка.

— Молодец, Рейни! — закричал судья, когда жена послала мяч далеко за пределы досягаемости противника.

— Эй! — обернулся к нему Робин, нахмурившись. — Вам не положено болеть ни за кого, понятно? Вы всего лишь судья.

— Не сдержался, малыш, — невозмутимо извинился судья. — Не смог удержаться. Сорок — тридцать. Работай.

— Он назвал его «малыш», — шепнула одна из девушек другой.

— А я слышала, как принц назвал мистера Кинга «Тракс», — шепнула другая.

— Правда, он красивый? — вздохнула первая.

Это были сёстры, совсем юные. Они жили с овдовевшей матерью в домике через дорогу. Мистер и миссис Блитерс об их существовании не подозревали, хотя милая Мод была к ним довольно добра. Однажды она подобрала их на автомобиле, когда они шли пешком на станцию. С тех пор она звала их по именам и великодушно разрешила звать себя Мод. Из этого можно заключить, что Мод было довольно одиноко в большом доме на холме.

Сёстры Фелтон знали Робина от силы три четверти часа и были в него отчаянно влюблены. Энни было восемнадцать, а Нелли едва минуло шестнадцать. Это был их первый принц.

— И-и-и! — взвизгнула миссис Кинг, кидаясь за мячом, который противник перебросил через сетку свечой. Не достала.

— Ровно, — лаконично сказал муж.

Через газон шёл слуга с подносом холодных напитков. Подходя к живописной группе, он нерешительно приостановился и поглядел на дорогу внизу. Потом подошёл, наклонился к увлечённому судье и что-то сказал вполголоса.

— Что? — прищурился Кинг.

— Как раз входит в ворота, сэр, — сказал лакей.

Кинг метнул взгляд через плечо и в изумлении сел.

— Господи! Блитерс! Какого чёрта ему здесь нужно? Послушай, Лорейн! Эй!

— Больше у подающего! — крикнула хорошенькая жена, отбрасывая со лба выбившуюся прядь.

Кинг не просто изумился — он решительно ничего не понимал. Мистер Блитерс впервые переступал порог «Красной Крыши». До этой минуты он, пожалуй, ни разу не удостоил её даже беглым взглядом, проезжая мимо. Изредка он кивал Кингу на станции — и только.

А теперь он приближался к компании с чрезвычайно дружеским видом. Можно было подумать, что он ближайший друг семьи и заглядывает сюда в любое время дня и ночи.

Игра тут же прервалась. Не будет большой ошибкой сказать, что хорошенький ротик миссис Кинг открылся не только ради того, чтобы перевести дух. Она не верила своим глазам. Медленно покинув корт, она пошла навстречу гостю.

— Возьми мою ракетку, милая, — сказала она одной из сестёр Фелтон. Это оказалась Энни, и бедная девочка чуть не упала в обморок от счастья.

Князь остался на дальней половине корта и лениво крутил ракетку.

— Добрый день, Кинг, — сказал мистер Блитерс и снял панаму — чтобы обмахнуть разгорячённый лоб. — Давно смотрю на вашу игру с дороги. Вышел прогуляться. Не удержался, решил заглянуть на минутку. Вы прекрасно играете, миссис Кинг. Здравствуйте! Жарковато, однако, а?

Он тряс руку Кинга и благодушно улыбался ладной, запыхавшейся сопернице принца.

— Добрый день, мистер Блитерс, — сказал Кинг, всё ещё глядя на него во все глаза. — Вы… вы знакомы с моей женой?

Мистер Блитерс пропустил мимо ушей то, что вполне могло сойти за представление.

— Видели бы вы, как играет моя дочь, — продолжал он. — Высший класс, быстрая как кошка. Прошлой весной взяла медаль в Лейквуде. Я как-нибудь устрою матч между вами и Мод, миссис Кинг. На такое стоит поехать за сто миль поглядеть, а, Кинг?

— Боюсь, мистер Блитерс, я не того класса, что ваша дочь, — слишком уж невинно сказала Лорейн Кинг.

— У нас в Блитервуде вполне приличный корт, — спокойно сказал мистер Блитерс. — Каждую неделю выписываю профессионала, чтобы играл с Мод. Она обставит почти любого любителя, так что…

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, мистер Блитерс? — спросил Кинг, отчасти придя в себя. — У нас лимонад, но, может быть, вы предпочтёте…

— Лимонад вполне сойдёт, спасибо, — любезно сказал гость. — Нам бы почаще заглядывать друг к другу, чем… спасибо! Ох и освежающе же он выглядит! Ваше здоровье, миссис Кинг. Жаль, конечно, пить за здоровье дамы лимонадом, но… чувство-то то же самое.

Говоря это, он смотрел ей через плечо на прыгающего по дальнему корту принца, и бокал, кажется, поднял чуточку выше, чем полагалось для тоста.

— Прошу прощения, мистер Блитерс, — пробормотал Кинг. — Позвольте представить вам графа Куиннокса и лейтенанта Данка.

Оба иностранца поднялись и стояли в нескольких шагах, очень прямо, по-военному.

— С мисс Фелтон вы, конечно, знакомы.

— Рад познакомиться, граф, — сказал мистер Блитерс, шагнув к нему с протянутой рукой. Руку лейтенанта он пожал с чуть меньшей энергией. — Нравится игра?

— Чрезвычайно, — сказал граф. — Так хорошо играют редко.

Мистер Блитерс напустил на себя самый непринуждённый вид и небрежно прищурился на принца.

— А этот молодой человек недурно играет. Кто он?

Оба граустаркца заметно выпрямились и ждали, когда Кинг откроет гостю истину.

— Это князь Робин Граус… — начал Кинг, но мистер Блитерс добродушно махнул рукой.

— Ну конечно! — воскликнул он, словно досадуя на собственную бестолковость. — Слышал, слышал, что у вас гостит принц. Совсем вылетело из головы. Ну-ну, растём, а? Настоящий вельможа среди нас.

Он помедлил.

— Но не буду мешать игре, — продолжал он, явно ожидая, что Кинг прервёт матч, чтобы представить ему принца.

— Не присядете ли, мистер Блитерс? — сказала миссис Кинг. — Или, может быть, вам удобнее на веранде? Мы…

— Нет-нет, спасибо, я лучше тут, если не возражаете, — поспешно сказал он и подтащил складной стул, на котором сидел лейтенант Данк.

— Лукас, принеси ещё стул, — сказал Кинг слуге. — И ещё лимонаду для мисс Фелтон.

— Фелтон? — переспросил мистер Блитерс, очень осторожно усаживаясь на довольно хлипкий стул и подтягивая на коленях белые фланелевые брюки. Из-под них показались лиловые носки весьма простодушного оттенка.

— Мы знаем вашу дочь, мистер Блитерс, — пылко сказала маленькая Нелли.

— Я как раз пытаюсь вспомнить… — начал мистер Блитерс.

— Мы живём через дорогу — вон там, в беленьком домике с плющом…

— …где я слышал эту фамилию, — продолжал мистер Блитерс, по-прежнему глядя на принца. — Знаете, по-моему, из моей дочери и принца вышла бы отличная пара. В теннисе, я имею в виду, — добавил он с громким смехом. — Надо будет как-нибудь их свести, а? У нас в Блитервуде. Долго принц у вас пробудет, миссис Кинг?

— Пока неизвестно, мистер Блитерс, — сказала она, и больше ничего.

Мистер Блитерс минуту-другую терпеливо обмахивался панамой. Потом посмотрел на часы.

— У нас наверху дело уже к обеду, — рискнул он.

Все, казалось, были поглощены игрой, хотя игра шла в одни ворота.

— Молодец! — крикнул Кинг, когда Энни Фелтон удалось отбить лёгкую подачу.

Лейтенант Данк горячо зааплодировал.

— Великолепно! — воскликнул он. — Превосходно положено!

— А они замечательно говорят по-английски, — громким шёпотом сказал мистер Блитерс миссис Кинг. — Чёрт знает, как быстро они его хватают.

Она улыбнулась.

— Офицеры граустаркской армии обязаны знать английский, французский и немецкий, мистер Блитерс.

— Неплохая мысль, — сказал он. — Мод говорит по-французски и по-итальянски, как настоящая француженка. Или итальянка. Училась в Париже и в Риме, знаете ли. Она вообще много жила за границей.

— Она сейчас дома, мистер Блитерс?

— Смотря что называть домом, миссис Кинг. У нас их столько, что я и сам не знаю, какой настоящий. Если вы про Блитервуд, то да, она там. А так есть ещё городской дом на Мэдисон-авеню, дом в Ньюпорте, в Ницце, в Пасадене — это в Калифорнии, знаете ли, — и хибарка в Лондоне. Кстати, жена говорит, что вы живёте совсем рядом с нами в Нью-Йорке.

— Мы живём на Мэдисон-авеню, но это довольно длинная улица, мистер Блитерс. А где именно ваш дом? — довольно ехидно спросила она.

Он изумился.

— Ну уж дом Блитерсов-то вы наверняка знаете, он на…

— Гейм! — завизжала Энни Фелтон и подбросила ракетку в воздух, победительница.

— Кончили, — с облегчением сказал мистер Блитерс. Он подобрал ноги и упёрся руками в колени, всем видом показывая, что готов вскочить по первому знаку.

— Ещё сет? — крикнул князь.

— Давайте пара на пару, — вставил лейтенант Данк и повернулся к Нелли. — Сыграем против них?

И сыграли пара на пару, к великому неудовольствию мистера Блитерса. Он высидел все девять геймов, изображая интерес, которого вовсе не испытывал, и только когда сумерки опустились на долину, с надеждой поднялся при крике «Гейм и сет!».

Всё это время он щедро рассуждал. Автомобиль, на котором он ездит, — без всякого сомнения, лучший на рынке: никакой другой марки он не взял бы даром. Клубы, в которых он состоит, — единственные в Нью-Йорке, в которых стоит состоять: в остальных его и мёртвым не застанешь. Его портной — единственный в стране, кто умеет сшить приличный костюм: остальные «просто ни в какие ворота». Шпиц, которого он подарил дочери, — лучшая собака этой породы в мире (при этих словах он смотрел на шпица миссис Кинг). Корт в Блитервуде знатоки признали лучшим из всех, какие видели… И так далее, и так далее, пока затянувшийся сет не кончился.

К его величайшему изумлению, по окончании игры все четверо игроков бросились к дому, даже не взглянув в его сторону. Князь, взбегая на террасу, крикнул что-то вроде «А теперь — под душ!», и остальные помчались за ним.

Мистер Блитерс сказал себе под нос что-то крепкое, но остался сидеть с твёрдой решимостью. На этот раз уже Кинг украдкой взглянул на часы и вопросительно посмотрел на жену. Та в немалом затруднении хмурилась и кусала губы. Граф Куиннокс невозмутимо поднялся и откланялся: ему пора было переодеваться к ужину. Он тоже посмотрел на часы, чего уж никак нельзя было ожидать от дипломата.

— Так-так, — глубокомысленно сказал мистер Блитерс. Потом посмотрел на свои часы — и откинулся на спинку стула, упрямо сжав челюсти. Он был не из тех, кого легко сбить с пути. — Уютное у вас тут местечко, Кинг, — заметил он через минуту-другую.

— Нам нравится, — сказал Кинг, вертя пальцами за спиной. — Скромно, зато по-домашнему.

— Миссис Блитерс давно собирается к вам зайти, миссис Кинг. Я ей говорю: нечего откладывать, будь по-соседски. Это я так считаю. Я за то, чтобы с соседями жить по-соседски. Но женщины, они… ну, вы сами знаете, миссис Кинг. Вечно что-нибудь мешает делать то, чего им больше всего хочется. А у миссис Блитерс столько светских обяза… простите?

— Я как раз подумала, не останетесь ли вы поужинать с нами, мистер Блитерс, — сказала она в полной беспомощности.

На мужа она взглянуть не смела: это кончилось бы дружным хохотом, которого потом не объяснишь.

— Да что вы, — сказал мистер Блитерс, поднимаясь и снова глядя на часы, — батюшки, да ведь обед-то уже прошёл! Понятия не имел, что так поздно. Честное слово, это очень мило с вашей стороны, миссис Кинг. Понимаете, у нас в Блитервуде обедают в семь, и… вот те на, уже половина восьмого. Не понимаю, куда ушло время. Спасибо, останусь, раз уж вы так добры к бедному старому бродяге. Только ничего особенного ради меня не затевайте, обычный ваш ужин. Без всяких там фокусов, пожалуйста.

Он неуверенно оглядел себя.

— А в этой тряпке можно?

— Мы и не заметим, мистер Блитерс, — сказала она.

Пока они шли к дому, он несколько раз повертел эту фразу в голове. Почему-то она звучала не совсем так, как надо, но хоть убей, он не мог понять почему.

— Мы ведь люди совсем простые, — отчаянно продолжала она, отметив про себя, что муж отстаёт, как последний трус. — «Красная Крыша» — ничто по сравнению с Блитервудом, с его армией слуг и…

Мистер Блитерс великодушно сказал «Пфф!» и заметил, что не станет говорить, сколько именно у них слуг, но уверен, что не больше сорока, считая садовников.

— Кроме того, — галантно добавил он, — что такое армия слуг по сравнению с армией Граустока? У вас, миссис Кинг, всё самое настоящее, так что не беспокойтесь. Но послушайте, если надо, я позвоню домой, и мне пришлют фрак. Пятнадцати минут не пройдёт. Лу… то есть миссис Блитерс всегда держит его наготове, на всякий случай, и…

— Даже не думайте! — воскликнула она. — Мужчины, конечно, переодеваются после тенниса, но мы… мы… видите ли, вы ведь не играли, — закончила она, совсем запыхавшись.

В этот миг резвые сёстры Фелтон сбежали по ступенькам и помчались через газон домой, прокричав на бегу миссис Кинг что-то неразборчивое.

— Шустрые, — заметил мистер Блитерс, неодобрительно глядя им вслед.

— Они прелесть, — сказала миссис Кинг.

— А… э-э… принц на которую-нибудь из них не заглядывается?

— Он их едва знает, мистер Блитерс.

— Понятно. Не думаю, чтобы они могли его привлечь. Легковаты, я бы сказал… то есть вот тут, — и он постучал себя по лбу, чтобы она не подумала, будто он говорит о фунтах и унциях. — Не верю я, что Мод с ними знакома, как сказала эта маленькая. Мод ведь довольно…

— Возможно, они приняли за вашу дочь кого-то другого, — очень мягко сказала она.

— Исключено, — сказал он с силой.

— Они вернутся к ужину, — сказала она, и глаза её озорно блеснули. — Я посажу вас между ними, мистер Блитерс. Вот увидите, они очень умные и милые девушки.

— Поглядим, — коротко сказал он.

На верхней ступеньке их догнал Кинг. Он слегка запыхался.

— Чувствуйте себя как дома, мистер Блитерс. Мне надо переодеться во что-нибудь поприличнее этих тряпок, — сказал он. — Может, вы хотите… э-э… умыться, пока мы…

— Нет, спасибо, — перебил мистер Блитерс. — Я чистый как стёклышко. Не обращайте на меня внимания, прошу вас. Идите одевайтесь, оба. Я посижу тут и… посчитаю минуты, — последнее он сказал с очень церемонным поклоном миссис Кинг.

— Ужин в половине девятого, — сказала она и исчезла.

Мистер Блитерс припомнил, сколько показывали его часы в последний раз, и прикинул, что считать ему минут пятьдесят, не меньше, — если ужин подадут минута в минуту.

— Вы извините, если я вас оставлю…

— Ну что вы, старина, — сказал незваный гость резче, чем собирался. — Я тут отдохну.

— Может быть, дворецкий позвонит в Блитервуд и скажет, что вы не будете дома к обеду?

— Лучше пусть скажет, что я не был дома к обеду, — сказал мистер Блитерс. — Там уже всё съели.

— Может, выпьете чего-нибудь, пока…

— Нет, спасибо. Подожду.

И он сел.

— Вы не возражаете, если я…

— Нисколько.

Мистер Блитерс устроился в большом кресле на веранде и сердито уставился на темнеющие холмы на том берегу долины. Прямо перед глазами у него оказался домик Фелтонов. Он нахмурился ещё сильнее. Минут через пятнадцать он вдруг вскочил, тревожно оглянулся и зашагал через газон быстрее, чем привык ходить.

Он вспомнил, что за поворотом дороги его ждёт шофёр с машиной — ждёт уже два часа, а то и больше.

— Езжай домой, — сказал он ему. — Вернёшься в двенадцать. И не газуй на подъёме, слышишь? Чтоб тихо.

Потом он встретился с принцем. Очень горячо пожал руку высокому молодому человеку — и даже стиснул её второй раз, с видом будущего тестя.

— Рад приветствовать вас в Катскиллах, принц, — сказал он.

— Благодарю вас, — сказал князь Робин.

ГЛАВА IV

В которой мистер Блитерс сеет семена, банки вдруг пугаются, а граф Куиннокс не желает идти на поклон

— Поразительный человек, — сказал граф Куиннокс Кингу, когда мистер Блитерс наконец откланялся — следом за сёстрами Фелтон, которых провожали домой князь и Данк.

На героическом лице почтенного граустаркца отражалась целая гамма чувств. Он только что провёл с миллионером целый доверительный час в дальнем углу библиотеки, пока молодёжь на другом конце комнаты шумно, хотя и умеренно, сражалась с рулеткой.

— Я никогда не встречал никого подобного, мистер Кинг.

Он вытер лоб и всё ещё выглядел слегка оглушённым.

Кинг рассмеялся:

— Никого подобного и нет, граф. Он такой один — единственный и неповторимый Блитерс.

— Он очень богат?

— Миллионы и миллионы, — сказала миссис Кинг. — Разве он не сказал вам, сколько именно?

— Не уверен. А эта его дочь… она привлекательна?

— Пожалуй. А что?

— Он сообщил мне, что её приданое составит двадцать миллионов, если она выйдет за подходящего человека. Кроме того, она его единственная наследница. Честное слово, миссис Кинг, у меня дух захватило, когда он объявил, что знает всё о наших затруднениях с русским займом. Это прозвучало… как бы сказать… многозначительно. Неужели… неужели он воображает, что… силы небесные, это просто в голове не укладывается!

Кинг долго курил молча. Жена его, слегка нахмурив гладкий лоб, задумчиво смотрела в окно на далёкие огни Блитервуда высоко на склоне горы.

— По-моему, звучит зловеще, — сухо сказал Кинг. — Бобби что, продаётся?

Граф посмотрел на него с ужасом:

— Дорогой мистер Кинг!

Потом понял и улыбнулся.

— Ах, вот вы о чём. Нет, он не продаётся. Он князь, а не пешка. Мистер Блитерс, может быть, и готов купить, но… — Он гордо покачал головой. — Однажды Граустарку уже предлагали деньги за свадьбу, мистер Кинг. Двадцать пять лет назад. Я был тогда капитаном гвардии и хорошо помню, чем это кончилось.

— Но он вас прощупывал, — задумчиво сказал Кинг. — Бросил, так сказать, семечко.

— Ходят слухи, что её выдают за графа Ланнета, — сказала жена. — Ужасный тип. А прошлой зимой газеты писали об итальянском герцоге. Бедная девочка! Судя по тому, что я о ней слышала, она славная — разумная и куда больше американка по вкусам, чем можно ожидать при таком воспитании. И хорошенькая.

— А как же молодой Сковилл, Рейни?

— Он милый мальчик, но… она ему не достанется. Цену на неё задрали слишком высоко. У него нет даже клочка земли, не то что титула.

— Удивительно, как вы, американцы, гоняетесь за нашими титулами, — добродушно заметил граф.

— Не удивительнее, чем вы, европейцы, гоняетесь за нашими деньгами, — парировала она.

— Не знаю уж, что нынче дешевле, титулы или деньги, — сказал Кинг. — Говорят, вполне приличного герцога можно взять за три-четыре миллиона, симпатичного маркиза или графа — вдвое дешевле, а «сэра» — в рассрочку.

Он испытующе поглядел на графа.

— Князь царственной крови, конечно, обойдётся подороже.

— Подороже, — мрачно сказал граф. Он, казалось, что-то обдумывал. — Ваш удивительный мистер Блитерс доверил мне также, что, пожалуй, готов сам взять на себя наш русский долг, если вовремя не найдётся никто другой. Собственно, не дожидаясь моего ответа, он сказал, что немедленно поручит своим юристам изучить вопрос о гарантиях. Я был несколько ошеломлён, но, кажется, он сказал, что ему ничего не стоит дать эти деньги самому и что он будет рад нас выручить, если у нас нет других планов. Поразительно, поразительно!

— Вы, конечно, сказали ему, что об этом не может быть и речи, — резко сказал Кинг.

— Я пытался. Но, боюсь, он не понял, что я говорю. Кроме того, я пытался объяснить, что не вправе обсуждать это дело. Этого он тоже не услышал.

— Он вообще не привык слышать никого, кроме себя, — сказал Кинг.

— Боюсь, бедный Робин в опасности, — грустно сказала жена. — За ним охотится бука.

— Неужели непостижимое существо воображает… — громко начал граф и вдруг оттянул воротник от горла, словно спасаясь от удушья.

— Мистер Блитерс не наделён воображением, граф, — сказала она. — Он ничего не воображает.

— Если он посмеет оскорбить нашего князя… — проскрежетал старый солдат, весь красный и прямой как палка, — если он посмеет…

Слов ему не хватило, и через мгновение он уже смеялся вместе с развеселившимися хозяевами — правда, несколько неуверенно.

❦

Мистер Блитерс вернулся домой в отличном настроении. Жена спала, но он без всяких церемоний её разбудил.

— Слышь, Лу, проснись. У меня новости. У нас в семье будет принц — ахнуть не успеешь.

Она села в постели и испуганно заморгала.

— Ради всего святого, Уилл, что ты натворил? Что… ты что…

— Прикармливаю, — весело сказал он. — Через день-другой заброшу удочку — и увидишь, что вытащу. Пусть пока поклюёт, а там и подсечём. И скажу тебе, Лу, он первый сорт. Давно я не видал такого славного парня. Он…

— Неужели ты… ты и впрямь ему что-то сказал про… про… Боже мой, Уилл, только не говори, что ты совсем рехнулся и… — вскричала бедная женщина, чуть не плача.

— Ну-ну, остынь, остынь, — успокаивающе перебил он. — Я не дурак, Лу. В таком деле на меня можно положиться, я тонко работаю. Посеешь правильные семена — всегда соберёшь урожай. Я только обронил пару намёков, вот и всё. И в правильном направлении, уж поверь. Остальное сделает граф Кинокс. Голову даю на отсечение, этот принц у нас будет бегать за Мод так, что…

— Что ты сказал? — спросила она. Над верхней губой у неё выступили капельки пота.

Он уселся на край кровати и полчаса говорил без перерыва. Когда речь кончилась, жена отвернулась к стене и разрыдалась:

— Что подумают о нас Кинги? Что они подумают?

— Да кому какое дело, что подумают Кинги? — заревел он, совершенно ошарашенный тем, как она это приняла. — Кто они такие, эти Кинги? Ну-ка, скажи мне! Кто?

— Я… я не могу об этом говорить. Ложись спать.

Он беспомощно вытер лоб.

— Ты меня с ума сведёшь. Что с тобой такое? Ты хочешь этого принца для Мод? Ну так чего ты ревёшь, чёрт возьми? Сама говорила, что хочешь, разве нет? Ну так я его добуду. Если я сказал, что сделаю, можешь ставить последний доллар — сделаю. Вот какой человек Уильям У. Блитерс. Предоставь это мне. С этими иностранными аристократами есть только один способ, и я…

Она снова повернулась к нему, на этот раз сердито.

— Послушай меня. Я говорила с Мод. Она легла спать с ужасной головной болью, и я не удивляюсь. Ты думаешь, у бедной девочки нет ни капли гордости? Она сразу догадалась, зачем ты туда пошёл, и выплакала все глаза. Теперь она говорит, что никогда не сможет посмотреть принцу в лицо, а уж Кингам… Ох, это отвратительно. Почему ты не можешь предоставить такие дела мне? Ты ведёшь себя как слон в посудной лавке. Мог бы по крайней мере подождать, пока бедная девочка хоть увидит этого человека, прежде чем лезть со своими разговорами о деньгах. Она…

— Чёрт побери, Лу, не вали всё на меня. Мы все трое за обедом согласились, что он выгоднее этого паршивого графа, о котором мы думали. Мод сказала, что за графа всё равно не пойдёт. И сказала ведь, что если этот принц так хорош, как о нём говорят, то она не прочь стать княгиней Грустока. Не станешь же ты отпираться, Лу. Ты сама слышала. Ты…

— Она не говорила «Груcток», — коротко сказала жена. — И ты забываешь, что она сказала: ничего не обещаю, пока с ним не познакомлюсь и не решу, нравится ли он мне.

— Понравится, никуда не денется, — уверенно сказал он.

— Она откажется даже знакомиться с ним, если узнает о твоём сегодняшнем дурацком промахе.

— Откажется знакомиться? — ахнул мистер Блитерс.

— Может быть, я сумею её урезонить, Уилл, но… но она упрямая, ты сам знаешь. Боюсь, ты всё испортил.

Он вдруг просиял и, понизив голос до полушёпота, сказал:

— А мы ей не скажем, что я наговорил этому старикану, Лу. Пусть думает, что я сидел там как пень и ни слова никому не сказал. Мы можем…

— Но она тебя прижмёт, Уилл, а ты, сам знаешь, врать не умеешь — у тебя всё на лице написано.

— Может… может, мне лучше съездить на несколько дней в Нью-Йорк, — несчастным голосом пробормотал он. — Ты уладишь это лучше меня.

— Иными словами, я умею врать с каменным лицом, — иронически сказала она.

— Я и не думал, что она так заупрямится, — сказал он, пропустив это мимо ушей.

— Пожалуй, тебе и правда лучше уехать в Нью-Йорк, — безжалостно сказала она.

— У меня там всё равно дела, — пробормотал он. — Я… пожалуй, уеду, пока она не встала.

— Если уедешь до завтрака, избавишь себя от часа-другого неприятностей, — ровно сказала она.

— Обработай её как-нибудь, Лу, — взмолился он. — Скажи, что мне жаль, что пришлось уехать так рано, и… и что я люблю её больше всего на свете и вернусь к концу недели. Если… если ей что-нибудь нужно в Нью-Йорке, пусть телеграфирует. Ты говоришь, она плакала?

— Плакала, и я её не виню.

Мистер Блитерс нахмурился.

— Ну… ну ладно, посмотрим, получится ли у тебя лучше. Устрой как-нибудь, чтобы они встретились. Она… он ей понравится, и тогда… вот увидишь, она ещё скажет нам обоим спасибо за то, что мы так заботимся о её будущем. Я не удивлюсь, если она влюбится в него с первого взгляда. И уж будь уверена, он в неё влюбится. Куда он денется. То, что ей когда-нибудь достанется полмиллиарда, тут совершенно ни при чём, когда он…

— Не смей больше произносить слово «миллионы», Уилл Блитерс.

— Ладно, — сказал он смиреннее, чем сам думал. — Но послушай, старушка: я добуду ей этого принца, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни. Я ещё ни разу не проигрывал и тут не проиграю.

— Ну, ложись, дорогой, и не волнуйся. Может быть, я сумею исправить дело. Это… это, конечно, ещё не безнадёжно.

— Я на тебя надеюсь, Лу. Ты делай своё дело, а я, когда придёт время, сделаю своё. И всё-таки я настаиваю, что посеял сегодня правильные семена. Вот увидишь. Погоди только.

И точно: на следующее утро, едва рассвело, мистер Блитерс укатил в Нью-Йорк, увозя с собой могучую решимость оправдаться до конца недели. Хитрая голова его работала, как никогда в жизни.

❦

Через два дня граф Куиннокс получил из Нью-Йорка удручающее известие. Два частных банка, на которые он рассчитывал в трудный час, решили, что дать заём не смогут. Финансовые агенты, действовавшие от имени граустаркского правительства, признавались, что не понимают, откуда вдруг такая перемена: переговоры с банками, в сущности, были уже закончены. Решение директоров при таких обстоятельствах было совершенно непостижимо.

Граф, крайне встревоженный, первым же поездом отправился в Нью-Йорк вместе с Тракстоном Кингом. Кинг был уверен, что тут вмешались посторонние силы, враждебные Граустарку. Оба склонялись к мысли, что без России не обошлось, хотя переговоры велись в такой тайне, какая только возможна в подобных делах.

— Может, удастся подобраться к банкам через Блитерса, — сказал Кинг.

— Чем же он может нам помочь? — спросил граф.

— Он, видите ли, директор обоих банков. И к тому же такая сила в финансовом мире, что в крупных сделках его слово почти закон.

Всю дорогу до города граф был задумчив и даже рассеян. Они уже подъезжали к Центральному вокзалу, когда он после долгого молчания наклонился и положил руку Кингу на колено.

— Вы, наверное, знаете, что Граустарк не оставил надежды, что князь Робин вскоре женится на дочери нашего соседа, князя Давсбергена.

Кинг странно на него посмотрел.

— Надо же, вот совпадение. Я как раз об этом думал, когда вы заговорили.

— Денежной выгоды нам этот союз не принесёт, друг мой, — объяснил граф. — И всё же он крайне желателен по другим причинам. Давсберген — страна небогатая, и народ там не слишком предприимчив. Но правящий дом стар и богат традициями. Деньги, дорогой Кинг, не всё на свете. Есть вещи, которых не купишь. Деньги удивительно бессильны против честного чувства. Явись юная княжна в Граустарк без гроша, её всё равно встретили бы с безумным восторгом. Мы народ, который чтит кровь, если можно так выразиться. Она воплощает силу, которая много веков правит нашими инстинктами, и монархия держит нас крепче любых цепей. Мы люди суровые, но мы преклоняем колено и носим ярмо, потому что меч судьбы — в руке, которая нас ведёт.

Он помолчал.

— Сегодня нами правит князь, чей отец был не царственной крови. Я не говорю, что мы сожалеем об этой примеси. Но наш долг — сберечь исконную ветвь. Наш князь держится так независимо, что сладить с ним трудно. Он готов нарушить старый обычай ради нового. Иными словами, он указывает на бесспорно счастливый брак своей матери, покойной княгини Йетивы, с американцем Лорри — а против этого нам возразить нечего. Он заявляет, что мать подала ему пример и что он может последовать ему без ущерба для страны, если ему позволят самому выбрать себе жену.

Граф снова помолчал.

— Но мы, граустаркцы, не можем благодушно смотреть на то, чем могут кончиться его поиски спутницы на престоле. Традиции нужно хранить — или мы погибнем. Верно, в жилах наследной княжны Давсбергенской тоже течёт американская кровь, но её отец — владетельный князь. Та, что сядет на престол рядом с Робином, должна быть княжной по рождению — иначе рука на мече судьбы ослабнет и династия пошатнётся. Я знаю, о чём вы думаете. Вы думаете, почему бы нашему князю не жениться на одной из ваших баснословно богатых американок…

— Дорогой граф, — горячо сказал Кинг, — ничего подобного я не думаю. Я, естественно, против ваших браков по сговору и тому подобного, но понимаю, какая это защита для престола, которому вы служите. Я искренне надеюсь, что Робин найдёт свою любовь в том узком кругу, который вы для него очерчиваете, но боюсь, это маловероятно. Он молод, романтичен, впечатлителен, и сама мысль о браке без любви ему отвратительна. О княжне, которую вы ему выбрали, он и слышать не хочет. Может быть, время покажет ему, что его идеалы ложны, и он смирится с… я чуть было не сказал — с неизбежным.

— «Неизбежное» — то самое слово, мистер Кинг, — мрачно сказал граф Куиннокс. — Честное слово, сэр, не знаю, что творится нынче с нашими принцами и принцессами. Прямо поветрие какое-то независимости. Женятся на ком хотят, наперекор высочайшей воле, и европейские дворы теряют половину своего блеска. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день на английском престоле окажется американка. Чёрт возьми, сэр, вы ведь знаете, что случилось в Аксфайне два года назад. Наследный принц отрёкся от престола и женился на французской певице.

— И говорят, этот юный бездельник очень счастлив, — сухо сказал Кинг.

— Быть счастливыми — привилегия дураков, — сказал граф Куиннокс.

— А у князей не так?

— У князей это обязанность, мистер Кинг.

❦

Не прошло и часа после их приезда в Нью-Йорк, как выяснилось, что обращаться придётся к Уильяму У. Блитерсу, если они хотят, чтобы банки вернулись к разговору. Агенты были в унынии. Сделку застопорили не далее как вчера днём, когда всё, казалось, шло как по маслу. Идти надо было к Блитерсу, и только к нему: лишь он мог надавить на правления так, чтобы банки пересмотрели своё удивительное решение. Что-то случилось за день, и дружелюбие банков испарилось. Теперь они были, как выразился один из агентов, «вежливо несговорчивы». А это означало, что против займа в последнюю минуту выступил кто-то неожиданный. Главы обоих банков прямо дали понять, что переговоры окончены. Вот и вся недолга. Что бы ни стояло за этим внезапным поворотом, сделка была мертва — мертвее не бывает. Оживить её могло только волшебное прикосновение такого человека, как Блитерс.

— Что могло заставить их так внезапно передумать? — в недоумении воскликнул граф. — Наш премьер-министр и кабинет сделали всё возможное, чтобы убедить их в честности Граустарка, и…

— Простите, граф, — перебил один из маклеров, — может, мне попробовать договориться для вас о встрече с мистером Блитерсом? Я слышал, он на несколько дней в городе.

Граф Куиннокс взглянул на Тракстона Кинга, ища вдохновения, и тот ответил ему на редкость унылым кивком. Старый граустаркец откашлялся и довольно сухо объявил, что примет мистера Блитерса, если тот навестит его сегодня днём в «Рице».

— Что?! — воскликнули оба агента, привскочив от изумления.

Граф пристально на них посмотрел:

— Можете передать ему, что я буду у себя в четыре.

— Да он вас пошлёт к… кхм! — Говоривший кашлянул как раз вовремя. — Блитерс не привык утруждаться ради чьего-то удобства. Он и ради германского императора с места бы не сдвинулся.

— Но я, — сказал граф с ледяной улыбкой, — не германский император.

— Позвольте лучше я договорюсь, чтобы вы зашли к нему в контору. Это тут, за углом.

В голосе маклера звучала мольба.

— Вы могли бы сохранить лицо, Калверт, — предложил Кинг, — если скажете, что граф будет рад видеть его у себя в «Рице» за чашкой чаю.

— Чаю! — презрительно воскликнул Калверт. — Блитерс эту бурду не пьёт.

— Это фигура речи, — терпеливо сказал Кинг.

— Ладно, позвоню, — с сомнением сказал маклер.

Через несколько минут он вернулся с торжеством во взгляде.

— Блитерс просит передать графу Куинноксу, что примет его завтра утром в половине девятого у себя в конторе. Сожалеет, что сегодня днём занят.

— Но вы сказали, что я приглашаю его на чай? — вспыхнув от гнева, спросил граф.

— Сказал. Я только повторяю его ответ. В половине девятого, у него в конторе, граф. Так он и сказал.

— Это самая наглая выходка, какую я когда-либо… — в бешенстве начал граф, но с усилием сдержался. — Надеюсь, сэр, вы не сказали, что я приду?

— Сказал. Это единственный способ…

— В таком случае будьте любезны позвонить ему ещё раз и передать, что я… я скорее увижу его в аду, чем приду к нему в контору завтра в половине девятого или в любой другой час.

С этими словами граф поднялся и вышел из конторы, на ходу надевая шляпу.

— Граф, — сказал Кинг, когда они спускались в лифте, — у меня такое предчувствие, что в четыре Блитерс будет в «Рице».

— И вы полагаете, сэр, что я его приму?

— Разумеется. Вы же дипломат.

— Я военный министр, — сказал граф, и по тому, как он нахмурился, было видно, что в своём деле он мастер.

— И вот ещё что, — задумчиво продолжал Кинг. — Я ничуть не удивлюсь, если за этим внезапным манёвром банков стоит сам Блитерс.

— Дорогой Кинг, он выказал самый живой интерес и сочувствие тогда вечером у вас в доме. Он…

— Конечно, я могу ошибаться, — признал Кинг, но лоб его оставался хмурым.

❦

Вскоре после обеда миссис Блитерс получила от мужа телеграмму. Он сообщал только, что в четыре идёт к графу на чай и чтобы она не волновалась: «дело складывается как нельзя лучше».

ГЛАВА V

В которой мистер Блитерс покупает заём, миссис Блитерс — боксёров, а Мод отказывается от собственного бала

В тот же день, поздно вечером, князю Робину позвонили на «Красную Крышу» из Нью-Йорка. На проводе был граф. Он сообщил довольно ошеломляющую новость: Уильям У. Блитерс вызвался покрыть заём из собственных средств! Куиннокс телеграфировал премьер-министру, прося указаний, и оставался в Нью-Йорке для дальнейших переговоров с капиталистом. Тот, надо полагать, захочет сперва удостовериться, что ресурсы Граустарка надёжны.

Робин ликовал. Ему и в голову не пришло, что в удивительном предложении великого финансиста может таиться что-то дурное.

Если граф Куиннокс и подозревал у мистера Блитерса задние мысли, то подозрение таяло перед явной честностью капиталиста. Никаких сантиментов тот не изображал и требовал от граустаркского правительства самых полных гарантий. Даже Кинга поразила безупречная справедливость предложения. Мистер Блитерс просил не больше того, что просили банки. Первая закладная на двенадцать лет на всё имущество, которым владеет и управляет казна. И депонирование всех облигаций, которые на руках у населения, с тем что проценты по ним будут исправно выплачиваться владельцам — за вычетом небольшого комиссионного процента.

Защищён он был со всех сторон: граустаркцам принадлежало добрых четыре пятых облигаций, выпущенных правительством на постройку общественных сооружений. С согласия мистера Блитерса их ограничили тремя отраслями — железными дорогами, телеграфом и каналами. Мистер Блитерс, как человек осведомлённый, знал, что всё это абсолютно надёжно и окупает себя само. По словам его лондонских и берлинских агентов, эти предприятия стояли прочно, как Гибралтар, и не нуждались и в десятой доле той защиты, которая требуется знаменитой скале.

Робин спросил, не нужно ли ему немедленно приехать в Нью-Йорк, и услышал, что пока незачем. Мистер Блитерс, собственно, предпочитал оставить всё in statu quo (так он выразился в разговоре с графом), пока не станет ясно, согласится ли народ сдать облигации. Впрочем, беспокоиться тут было не о чем: граустаркцы уже выразили готовность предоставить их в залог, когда шла речь о банках. Сам же мистер Блитерс доставит себе удовольствие навестить князя на «Красной Крыше» в конце недели, и тогда можно будет обсудить положение за чашечкой чаю или стаканом лимонада. Именно так мистер Блитерс и выразился.

❦

На следующий день миссис Блитерс оставила на «Красной Крыше» визитные карточки — вернее, их оставил лакей. А ещё через день Кинги и их гости получили приглашения на бал в Блитервуде в ближайшую пятницу — всего через четыре дня. Пока миссис Кинг обсуждала приглашение с двумя молодыми людьми, её позвали к телефону. Звонила сама миссис Блитерс.

— Простите, что я вам звоню, миссис Кинг, но мне хотелось убедиться, что вы сможете приехать семнадцатого. Нам так хочется видеть у себя принца и его друзей. Мистер Блитерс очарован принцем Робином и графом Куинноксом и говорит, что если их не будет, весь вечер провалится.

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Блитерс. Но принц собирается на днях уехать в Вашингтон, и боюсь…

— Ах, вы должны уговорить его остаться, дорогая миссис Кинг! К нам приедет масса народу из Ньюпорта — вы знаете этот круг, самые сливки, — и я уверена, ему будет приятно с ними познакомиться. Мистер Блитерс заказал для них специальный поезд — поезд-люкс, можете не сомневаться, и по вагонам, и по пассажирам. И оркестр Забо. Мысль дать бал пришла нам в голову только вчера вечером, поэтому и приглашения так поздно. Мы всё так

делаем — в одну минуту. По-моему, так гораздо веселее, чем мучиться целый месяц подготовкой, правда? Почти все уже телеграфировали, что будут, так что соберётся масса милых людей. Уйма девушек — вы знаете, о ком я. А мистер Блитерс пытается устроить показательный бой между теми двумя знаменитыми боксёрами — вы знаете, о ком я, миссис Кинг, — просто чтобы мы, бедные женщины, увидели, как выглядит настоящий мужчина в… то есть я хочу сказать, какие это великолепные экземпляры, знаете ли. Так что, прошу вас, скажите принцу, что настоящий бой он никак не может пропустить. Все ужасно взволнованы, и, конечно, мы держим это в большом секрете. Правда, будет весело? Моя дочь говорит, что это ужасно, но она у нас привереда. Говорят, один из них ест сырое мясо — это правда?

— Понятия не имею.

— Представьте себе, какие они замечательные: мистер Блитерс боится, что меньше чем за пятнадцать тысяч долларов они не приедут. Разве не смешно?

— Ужасно, — сказала миссис Кинг.

— Принц, конечно, непременно будет принимать гостей вместе с нами. Он у нас гвоздь программы. Вы…

— Я уверена, будет ужасно весело, миссис Блитерс. Что ты сказал?

— Простите?

— Извините. Это я принцу. Он мне крикнул снизу.

— И что он говорит?

— Ничего особенного. Спрашивал про Хоббса.

— Хоббса? Передайте ему, пожалуйста, что если у него есть друзья, которых он хотел бы видеть у нас, мы будем только рады…

— О, спасибо! Я ему передам.

— Вы не должны отпускать его, пока…

— Постараюсь изо всех сил, миссис Блитерс. Ужасно мило с вашей стороны пригласить нас на…

— Вы все непременно должны прийти к нам на ужин завтра или послезавтра. Я буду так рада, если вы что-нибудь посоветуете, чтобы бал удался. Я ведь знаю, какая вы ужасно умная, миссис Кинг.

— Я ужасно глупая.

— Пустяки!

— К сожалению, завтра мы ужинаем в гостях, а в четверг у нас самих будут люди…

— А вы не можете привезти их всех в Блитервуд? Мы будем просто счастливы, уверяю вас.

— Боюсь, не получится. Они… видите ли, они в трауре.

— А-а, понимаю. Ну, может быть, мы с Мод заглянем к вам на минутку завтра или послезавтра, просто обсудить кое-что… что такое, Мод? Простите, миссис Кинг. Кхм! Ну, я позвоню вам завтра, если вам не надоест возиться с каким-то глупым старым балом. До свидания. Огромное спасибо.

Через несколько секунд миссис Кинг настигла Робина в нижнем холле и задала ему хорошую трёпку за то, что он кричал на всю лестницу, что Хоббса тоже надо пригласить на бал. Князь Робин повалился на кушетку и хохотал до упаду. Лейтенант Данк, как и подобает офицеру замковой гвардии, стоял навытяжку в эркере, спиной к комнате, с пунцовыми ушами и, казалось, вот-вот лопнет от сдерживаемого смеха.

— Наверное, всё-таки придётся ладить с синдикатом Блитерсов, — серьёзно сказал Робин, отсмеявшись под её гневным взглядом. — Господи, тётя Лорейн, я просто не могу пойти туда и стоять в ряду, как уродец в балагане, чтобы на меня глазели все дамы и девицы. Я в день бала заболею, вот что я сделаю, а вы им скажете, как я убит своим несчастьем.

— Они положили на тебя глаз, Бобби, — прямо сказала она. — Так просто ты не отделаешься. Если ты не будешь очень, очень осторожен, тебя женят на очаровательной мисс Мод — охнуть не успеешь.

— Думаете, они это задумали?

— Несомненно.

Он лениво потянулся.

— Что ж, может, она как раз та, кого я ищу, тётушка. Кто знает?

— Глупый мальчишка!

— Может, она и есть Золотая девушка — во всех смыслах слова, — беспечно сказал он. — Вы говорите, она хорошенькая?

— Мои представления о красоте и твои могут совсем не совпадать.

— Это не ответ.

— Ну, я считаю её очень привлекательной девушкой.

— Блондинка?

— Ни то ни сё. Светло-каштановые волосы и очень тёмные глаза и ресницы. Чуть выше меня, грациознее и великолепная наездница. Я видела её верхом. И на балу видела. Большинство мужчин находят её сногсшибательной.

— Ну что ж, давайте сыграем на бильярде, — сказал он, отмахнувшись от Мод так, что гордый мистер Блитерс зашатался бы от возмущения.

Чуть позже, у бильярдного стола, миссис Кинг вдруг сказала, ни с того ни с сего:

— И она сделает всё, что прикажут родители. Вот что хуже всего.

— О чём вы? Ваш удар.

— Прикажут выйти за титул — выйдет. Боюсь, так уж её воспитали.

— Это вы про Мод?

— Конечно. Про кого же ещё? Бедняжка, у неё нет ни единого шанса с такой матерью.

— Бейте, пожалуйста. Запишите мне шесть, Данк.

— Вот увидишь её, Бобби.

— Ладно. Подожду, — весело сказал он.

❦

На следующий день граф Куиннокс и Кинг вернулись из города вместе с самим мистером Блитерсом, в его личном вагоне.

— Сегодня днём Мод привезёт меня к вам, — сказал мистер Блитерс, прощаясь с ними на станции.

Но Мод не привезла его в тот день. Гордость, радость и надежда семейства Блитерс наотрез отказалась участвовать в подобной затее и уехала кататься верхом — в сторону, как можно более далёкую от «Красной Крыши».

— Что нашло на девчонку? — в полном недоумении спросил мистер Блитерс. — Никогда она так себя не вела, Лу.

— Какая-то глупая мысль, что её выставляют на посмешище, насколько я понимаю, — сказала жена. — Видит бог, я говорила с ней, пока совсем не выбилась из сил. Она говорит, что не даст себя запугать и даже знакомиться с принцем не станет, а уж замуж за него и подавно. Никогда не видела её такой упрямой. Обычно я умею ей растолковать, что разумно. За герцога она, я уверена, вышла бы, если бы… если бы ты сам не положил этому конец из-за его так называемых привычек. Она…

— Ну и вышло к лучшему, разве нет? Принц-то лучше герцога?

— Ты это уже говорил, Уилл. Я хотела, чтобы она съездила со мной утром к миссис Кинг обсудить бал, — и как ты думаешь, что вышло?

— Не поехала?

— Хуже. Не пустила меня. Ну, если уж дошло до того, что…

— Ничего. Я с ней поговорю, — сказал мистер Блитерс довольно уныло, хоть и держался уверенно. — Она любит своего старика-отца. С ней я что угодно сделаю.

— Последнее время она ужасно задирает нос, — раздражённо вздохнула миссис Блитерс. — Это… это ведь не может быть из-за молодого Сковилла, как ты думаешь?

— Если бы я так думал, я бы… я бы…

Неизвестно, что бы сделал в эту минуту мистер Блитерс с молодым Сковиллом: ничего достаточно страшного для подозреваемого он придумать не смог.

— Во всяком случае, меня это ужасно расстраивает, Уилл. Она… она ничего не хочет слушать. И вот ещё что: она заявляет, что не останется здесь на бал в пятницу.

Мистер Блитерс попросил повторить, а потом сел — так поспешно, что чуть не промахнулся мимо стула.

— Не останется на собственный бал?! — взревел он.

— Она говорит, что это не её бал, — жалобно сказала жена.

— Господи, если не её, то чей же?

— Спроси её, а не меня, — вспыхнула миссис Блитерс. — И не смотри на меня так. С тех пор как ты уехал, я только и вижу что сердитые взгляды. Я думала, что делаю самое милое дело на свете, когда предложила этот бал. Он бы их свёл…

— Сведёт он, похоже, только этих чёртовых боксёров. Те-то сойдутся как миленькие, но что нам с того, если Мод будет так себя вести? Послушай, Лу, я всё устроил так, что принцу Гростика ничего не остаётся, как попросить у Мод…

— Вот именно! — воскликнула она. — Мод видит всю эту затею насквозь, Уилл. Вчера вечером она сказала, что ничуть не удивится, если ты предложишь взять на себя долг Граустарка России, чтобы…

— Именно это я и сделал, старушка, — торжествующе сказал он. — К следующей неделе я их так свяжу, что они без меня не шелохнутся. И можешь ещё раз передать Мод от меня, что я добуду ей этого принца, даже если…

— Но он ей не нужен!

— Она сама не знает, что ей нужно! — заревел он. — Куда она собралась?

— Ты же видел, как она уехала на Цикаде, так зачем…

— Я про день бала.

— В Нью-Йорк.

— Ну, это… это мы ещё посмотрим, — проскрежетал он. — Я позабочусь, чтобы она шагу за ворота не ступила, даже если придётся поставить сторожей у каждой калитки. Пусть образумится. Для чего я, по её мнению, вкладываю пятнадцать миллионов в казну Грасстрака? Она должна остаться на бал. Да это было бы просто преступление, если… а, что толку говорить! Она будет здесь и пройдёт с принцем в первой паре полонеза. Я уже всё…

— Ну, вот ты с ней и поговоришь. Я сделала всё, что могла. Она клянётся, что не выйдет за человека, которого ни разу не видела.

— А мы что, не пытаемся ей его показать? — фыркнул он. — Выходить за него ей не придётся, пока не увидит. А когда увидит, ещё извинится передо мной за все гадости, которые обо мне наговорила.

На миг показалось, что мистер Блитерс сейчас расплачется — так внезапно его одолела жалость к себе.

— Кстати, а ожерелье от «Тиффани», которое я ей прислал, ей понравилось?

— Наверное. Она сказала, что ты милый старый фузлер.

— Фузлер? Это ещё что такое?

Он не был уверен, но почему-то это прозвучало как ругательство.

— Понятия не имею, — коротко сказала она.

— Так почему ты её не спросила? Ты же отвечала за её воспитание. Если она говорит слова, которых ты не знаешь, ты должна…

— Ты что, правда собираешься одолжить Граустарку все эти деньги? — перебила она.

Он неуверенно посмотрел на неё и кивнул. Слова не шли.

— А ты не слишком торопишься, Уилл? — спросила она с глубоким значением. — И не ты ли сам, случаем, отговорил от этого займа те два банка?

На этот раз он не кивнул и не покачал головой. Он просто встал и вышел из комнаты. На полпути через террасу он остановился и сказал это — с большим чувством, — и ему тут же сильно полегчало. Облегчение было таким приятным, что он повторил это ещё два или три раза, а потом пришлось объяснять садовнику поблизости, что это вовсе не про него.

Потом он пошёл на конюшню. На его громовой окрик во двор высыпали все конюхи и мальчишки.

— Седлать Красного Бродягу, и живо! — скомандовал он.

— Изволите выехать, сэр? — спросил старший конюх, коснувшись рукой лба.

— Изволю, — коротко сказал мистер Блитерс и испепелил его взглядом.

Красный Бродяга, должно быть, удивился, с какой небывалой быстротой его оседлали и взнуздали. Если лошадь вообще может выглядеть потрясённой, то этот конь явно выдал себя, когда его оторвали от полной кормушки и поволокли к подставке для посадки.

— Куда поехала мисс Блитерс? — спросил мистер Блитерс уже в седле.

Двое конюхов неуклюже пытались вставить его носки в стремена и заодно одёрнуть штанины, которые с самым досадным пренебрежением к приличиям лезли вверх. На их памяти мистер Блитерс ещё ни разу не выезжал без сапог и шпор, так что внезапность этой вылазки произвела на их умы сокрушительное впечатление.

— По Катлеровой дороге, сэр, три четверти часа назад. Конюха с собой взять не пожелала, сэр.

— Но! — сказал мистер Блитерс и, ринувшись к воротам, чуть не сбил с ног конюха.

Для любопытных добавим, что дочь он догнал, только когда она уже полчаса как была дома. Впрочем, он великодушно признал про себя, что свалял дурака: незачем было скакать за ней в хвост, когда можно было перехватить её на задней дороге к дому — а что она поедет обратно именно там, догадался бы и ребёнок.

❦

Через несколько минут жена застала его за лихорадочным облачением в белые фланелевые брюки.

— Скажи Мод, что я еду к принцу на чай, — буркнул он, не поднимая глаз от шнурка, который завязывал мёртвым узлом. — Хочу, чтобы она через пятнадцать минут поехала со мной. Я им сказал, что привезу её поиграть в теннис. Пусть наденет теннисное платье. Живей, Лу. Где мои часы? Который час? Ради бога, смотри на часы, а не на меня! Я тебе не часы! Что?

— Миссис Кинг позвонила полчаса назад и сказала, что они все уезжают на автомобиле пить чай в трактир «Грэндби» и вернутся не раньше половины восьмого…

Тут он всё-таки поднял глаза. С минуту он не мог вымолвить ни слова. Никто ещё никогда с ним так не обходился.

— Ну, будь я… проклят! Ведь твёрдо же условились! Но ничего, — решительно заключил он. — Я ведь тоже могу съездить в «Грэндби», правда? Скажи Мод, чтобы не возилась с теннисным платьем, только пусть поторопится. Поедешь с нами?

— Нет, не поеду, — твёрдо сказала она. — И Мод не поедет.

— Не поедет, значит?

— Нет, не поедет. Неужели ты не можешь предоставить это дело мне?

— Я на взводе, — предупредил он, и этому легко было поверить.

— Не лезь, Уилл, милый, — попросила она. — Знаешь, как говорят: куда ангелы ступить боятся, туда дураки так и прут.

Просить было для неё так непривычно, что он пропустил мимо ушей скрытый намёк. К тому же он только что сам назвал себя дураком, так что, пожалуй, она была отчасти права. А главное, в эту самую минуту она взялась поправить ему галстук. Её мягкие прохладные пальцы коснулись его двойного подбородка и словно ласково его погладили. Он задрал голову — точь-в-точь как собака, которую чешут под нижней челюстью в том самом бархатном местечке.

— Вздор и чепуха, — хрипловато пробормотал он.

— Я так и думала, что ты это поймёшь, — сказала она так спокойно, что он пару раз в полном недоумении моргнул, а потом заметно уменьшил свой двойной подбородок, услужливо поджав нижнюю губу. Он ничего не сказал: пусть думает, что самое важное сейчас на свете — правильно расправить концы галстука.

— Вот! — сказала она и потрепала его по щеке в знак того, что работа успешно закончена.

— Поедем-ка прокатимся немножко, — сказал он, с чисто мужским простодушием поправляя галстук заново. — Тебе полезно, Лу.

— Хорошо, — сказала она. — Подождёшь несколько минут?

— Сколько угодно, — милостиво сказал он. — Спроси Мод, может, и она поедет.

— Уверена, ей будет приятно, — сказала жена.

И мистер Блитерс спустился на веранду подумать. Он как-то чувствовал, что если ещё немножко подумать, дела, может быть, окажутся не так уж плохи. Среди прочего он надумал, что, пожалуй, не стоит ехать в сторону «Грэндби». И ещё надумал, что не стоит обижаться, даже если жена с дочерью собираются на маленькую прогулку больше часа.

А тем временем князь Робин мчался по горным дорогам в мощном автомобиле в окружении весёлой шайки заговорщиков, единственная цель которых была — уберечь его от щупалец всемогущего спрута Уильяма У. Блитерса.

ГЛАВА VI

В которой бал обходится в сто тысяч, невеста сбегает в Нью-Йорк, а жених в лесу узнаёт, сколько он стоит

Чтобы не задерживать рассказ, о бале в Блитервуде я скажу как можно короче. Во-первых, слова тут не просто бессильны, а прямо неуместны. Слова «благоговейный трепет» в словаре, конечно, есть. Но слово — одно, а чувство — совсем другое. Каждый гость на этом бале испытывал именно трепет и изо всех сил выдавал его за восхищение, так что летописец тут ничуть не твёрже гостей. Во-вторых, ни опыт, ни воображение не позволяют мне описать бал, обошедшийся устроителю ни на грош не меньше ста тысяч долларов. Бал тысяч на пятнадцать, даже на двадцать я, пожалуй, ещё описал бы толково. Но всё, что дороже, лишает меня дара речи.

Мистер Блитерс пустил специальный поезд-люкс не только из Нью-Йорка, но и из Вашингтона, и ещё один из Ньюпорта: ньюпортцы в последнюю минуту не вынесли мысли о том, чтобы проезжать через Нью-Йорк не в сезон. Их повезли в объезд, да так, чтобы им даже краем глаза не попались самые дальние окраины Бронкса.

Из Вашингтона прибыла поразительная компания иностранных дам и господ — от послов великих держав до атташе самых крошечных. Все в золоте, все звенели, как миллион литавр. Президент Соединённых Штатов чуть было не приехал. Своих блёсток у него нет, поэтому он послал вместо себя генерал-майора и контр-адмирала представлять звёздно-полосатый флаг, а сам, наверное, дулся в Белом доме: скупая нация отказывается покупать своему главе галуны и пуговицы.

Кто видел господина в галунах, пуговицах и блёстках, тот поймёт, что описать его невозможно. Можно пересчитать пуговицы и блёстки и даже точно указать, где какая находится. Но описать целое не взялся бы и Тот, Кто сотворил содержимое этих туго набитых мундиров.

Из Нью-Йорка пришёл целый вагон орхидей и гардений — цветочные лавки Манхэттена опустели, — а с цветами прибыла маленькая армия опытных декораторов. А чтобы доставить гостей, так сказать, прямо к дверям Блитервуда, непостижимый мистер Блитерс велел проложить временную ветку от станции, до которой было две мили. Тысяча рабочих уложилась в сорок восемь часов. (Строительство вокзальной ветки в Нью-Йорке ради этого отложили на неделю с лишним — мистер Блитерс одолжил оттуда рельсы, шпалы и рабочие поезда!)

Двести пятьдесят драгоценных, тщательно отобранных гостей съели двести пятьдесят исполинских обедов и вдвое больше ужинов, выпили бочки редчайших вин, выкурили несчётное число сигар по два доллара штука и набили ими карманы на много дней вперёд, сожгли пять тысяч папирос, съели на завтрак не меньше двадцати дюжин яиц — и упорхнули с тысячей жалоб в двухстах пятидесяти пульмановских купе. Никогда ещё ничего не было устроено с такой точностью, как этот чудесный бал в Блитервуде.

(Показательный бой на газоне, под слепящей гроздью огромных фонарей, закончился в пользу мистера Брауна по прозвищу Бычья Башка. Он удачно, хотя и нечаянно, и весьма энергично угодил в левый нижний угол диафрагмы мистера Смита по прозвищу Кувалда и честно поделил с ним призовые за четыре научно безупречных раунда. Правда, потом они из-за этих призовых подрались, когда мистер Смит высказал мистеру Брауну всё, что думает о человеке, который так усердно бьёт сразу после сытного обеда.)

Множество маменек с интересом осматривали князя Робина и признавались в подлинном восторге — такого они не испытывали с тех пор, как один из германских принцев подошёл к Ньюпорту так близко, что разглядел город в морской бинокль с мостика броненосца. Правитель Граустарка (четыре пятых гостей спрашивали, где это вообще такое!) был героем дня.

Мистер Блитерс досадовал, что принц не надел корону, но несколько смягчился, узнав, что тот забыл захватить её в путешествие. Огорчило его и то, что принц оставил дома свой бело-золотой мундир и явился в обыкновенном фраке. Фрак сидел безупречно, но отличия не придавал. Выручали только чёрно-серебряная лента поперёк манишки да крошечная золотая пуговка в петлице, иначе его можно было бы принять за «рядового гостя», как выражался мистер Блитерс. Хозяин маневрировал почти до часу ночи, пока не сумел разглядеть золотую пуговку поближе. Надпись на ней оказалась какими-то иероглифами и ровно ничего ему не объяснила.

Пользуясь привилегией властителя, князь Робин покинул праздник несколько раньше, чем ожидали, — вскоре после часа ночи. Мало того: как и положено князю, он и не подумал извиняться за ранний уход, а изящно поблагодарил хозяина и хозяйку и удалился, не сказав положенного «я чудесно провёл время». И как ни странно, ни словом не отозвался о великолепии праздника, устроенного в его честь. Этого мистер Блитерс никак не мог переварить. Он невольно думал, что малого плохо воспитали. Или он, может быть, не привык бывать в хорошем обществе?

❦

Если не считать одного душераздирающего происшествия, бал в Блитервуде стал самым отрадным событием в жизни мистера и миссис Уильям У. Блитерс. Происшествием этим было поспешное и ловко устроенное бегство Мод Эпплгейт Блитерс — в какой-то неустановленный час между четырьмя и семью утра в самый день праздника.

На бале мисс Блитерс не было. Она была в Нью-Йорке и безмятежно наслаждалась одним из больших летних спектаклей в обществе молодого Сковилла и бывшей своей гувернантки — немолодой благородной дамы, которая знавала лучшие дни — до того как поступила на службу к Уильяму У. Блитерсу. Решительная барышня сделала ровно то, что обещала. И впервые в жизни мистер Блитерс понял, что дочь у него — человек, а не обстоятельство. Он увял, как голодная кувшинка, и бродил по дому в таком унылом недоумении, что даже жена его пожалела и не сказала «я же тебе говорила», хотя случай был самый подходящий.

Телеграмма Мод пришла в три часа дня. Она должна была успокоить, но не успокоила. В ней говорилось: «Веселитесь и не теряйте из-за меня сна. Я сама сегодня отлично высплюсь в „Рице“ и надеюсь, что и вы будете крепко спать, когда я завтра днём вернусь домой: я знаю, как вы устанете от всех этих волнений. Передайте мои поздравления почётному гостю и верьте, что я остаюсь вашей преданной и послушной дочерью».

Совпавшее по времени отсутствие на бале молодого мистера Сковилла сильно встревожило мистера Блитерса, и он весьма пространно высказался на этот счёт в уединении своей спальни, когда последний гость отправился на покой. Кое-что из сказанного мистером Блитерсом о мистере Сковилле стены этой комнаты не забудут никогда — если у стен, как говорят, и правда есть уши.

Кто думает, что мистер Блитерс принял бегство Мод как окончательный приговор делу, на которое он положил сердце, тот плохо знает этого человека. Он не только не отступил ни на дюйм, но тут же принялся укреплять позиции. Пусть Мод убедится, что бороться с неизбежным бесполезно, — а потом ещё и спасибо скажет за счастье, которое ей устроят против её воли.

Последние специальные вагоны ещё только покачивались, увозя на магистраль остатки гуляк, а он уже выехал на автомобиле в полуденный визит на «Красную Крышу». Огромный лагерь рабочих уже начал выдирать одолженные рельсы и шпалы. Рабочие поезда громыхали и фыркали на лугах над Блитервудом, шатаясь по неверной насыпи. Он отдал несколько кратких и властных распоряжений угодливым десятникам и мастерам, а те передали их взмокшим рабочим в выражениях ещё более вольных, и покинул эту суматоху, даже не оглянувшись. Фургоны, телеги, грузовики и всевозможные колёсные повозки сновали по Блитервуду, пока

он мчался по длинной извилистой аллее к воротам, но он не обращал на них внимания. Они увозили остатки славы, которая угасла в пять утра. Обглоданный скелет его не интересовал. Возиться с ним было досадно, только и всего, и к его возвращению с «Красной Крыши» от него не должно было остаться и следа. Если останется хоть клочок развалин — кое-кому не поздоровится! Это само собой. А когда Мод вернётся поездом в пять четырнадцать, она не застанет его спящим — ни в коем случае!

❦

На полпути к «Красной Крыше» он заметил впереди человека, бодро шагавшего по дороге. Если быть совсем точным, человек шёл посреди дороги, спиной к быстрому, почти бесшумному «паккарду».

— Посигналь этому болвану, — сказал мистер Блитерс шофёру.

Через миг пешеход проворно отскочил в сторону, и машина пронеслась мимо, а замирающий вой сирены утонул в шорохе колёс.

— Смотри, куда идёшь! — крикнул мистер Блитерс с заднего сиденья, словно это пешеход чуть не задавил его, а не наоборот. — Тпру! Стой, Джексон! — крикнул он шофёру. Он узнал пешехода.

Машина со скрежетом затормозила, и одновременно в сотне ярдов позади остановился пешеход.

— Сдай назад, — поспешно скомандовал мистер Блитерс: принц, кажется, собирался свернуть с дороги в лес. — Доброе утро, принц! — закричал он, энергично размахивая шляпой. — Подвезти?

Машина рванула назад почти так же быстро, как ехала вперёд, и князь благоразумно поднялся на откос у обочины.

— Это вы мне? — коротко спросил он, когда машина остановилась.

— Да, ваше высочество. Садитесь. Нам по дороге, — сияя, сказал мистер Блитерс.

— Я имею в виду минуту назад, когда вы крикнули «Смотри, куда идёшь», — сказал Робин, и в глазах у него сверкнул гнев.

Мистер Блитерс выглядел совершенно ошарашенным.

— Господи, конечно нет! — вскричал он. — Это я шофёру.

(Спина Джексона, кажется, слегка окаменела.)

— Я ему тысячу раз говорил, чтобы не наезжал так на людей. В последний раз предупреждаю, Джексон. В следующий раз — расчёт. Понял? Если ты возишь меня, это ещё не значит, что можно давить людей, которые…

— Ничего, мистер Блитерс, — с милой улыбкой перебил Робин. — Никакой беды не случилось. Я, с вашего позволения, пройдусь пешком. Вышел размяться, знаете ли. Всё равно спасибо.

— А куда вы направляетесь? — спросил мистер Блитерс.

— Не знаю. Брожу, куда глаза глядят.

— Пожалуй, вылезу и пройдусь с вами. Видит бог, мне не хватает движения. Не возражаете?

Он уже стоял на земле. Не дожидаясь ответа, он велел Джексону ехать на «Красную Крышу» и ждать его там.

— Буду очарован, — сказал Робин, и в уголке глаза у него блеснула искорка. — Миль восемь-десять прогулки пойдут вам на пользу, я уверен. Давайте разведаем эту дорожку в гору, а потом спустимся к «Красной Крыше». Тут, по-моему, не больше пяти-шести миль.

— Отлично, — с энтузиазмом сказал мистер Блитерс.

Он знал, что это «короткая дорога» к «Красной Крыше» и что по прямой тут меньше мили. Правда, впереди был изрядный подъём, но зато на том конце — такой же спуск. Кроме того, он был уверен, что не отстанет от длинноногого юнца, если будет его попридерживать.

Раз уж принц сам предложил маршрут, он не может слишком своевольничать. Мистер Блитерс расценил это предложение как приглашение.

Они свернули на узкую лесную дорогу — не то чтобы бок о бок, а скорее как всадник и его конюх или, если строго, как рыцарь и его вассал. Робин зашагал так резво, что мистер Блитерс отстал на несколько шагов и на первом крутом подъёме изрядно потрудился, чтобы не отстать ещё больше. Дорога была вся в колеях и рытвинах и усеяна валунами, которые весной скатились с горы. Хоть убей, мистер Блитерс не мог идти прямо. Он переходил из колеи в колею и с камня на камень с верностью намагниченной частицы, почти никогда не ставя ногу туда, куда хотел, и ни разу не попадая в ровный шаг. Один длинный решительный шаг — потом два коротких «на ощупь», — так ходят по свежевспаханному полю.

На вершине подъёма Робин из деликатности замедлил шаг, и пухлый джентльмен поравнялся с ним — слегка запыхавшийся, но весёлый, как сверчок.

— Не слишком быстро для вас, мистер Блитерс?

— Ничуть, — сказал мистер Блитерс. — Кстати, принц, — продолжал он, хитро ухватив молодого человека под руку и тем самым хотя бы на время придержав его, — я хочу объяснить вам, почему моей дочери, к несчастью, не было вчера на балу. Вы, наверное, подумали, что это очень странно. Конечно, это вышло нечаянно. Бедняжка просто убита. Пардон!

Он оступился в колею и чуть не клюнул носом.

— Мерзкая дорога! Спасибо. Хорошо, что я за вас держусь. Да, так я говорил: досаднейший случай. Опоздала на поезд, понимаете ли. Поехала в город на денёк — девушки, знаете ли, — и опоздала на поезд.

— А, понимаю. Опоздала дважды.

— А? О! Ха-ха! Очень хорошо! С таким же успехом могла опоздать и двенадцать раз, а? Ну, могла бы заказать себе специальный поезд, да в ней проклятая бережливость сидит. Ни за что не потратится. Глупая манера… прошу прощения, я вам не отдавил ногу? Я ведь тяжёлый, знаете ли, не пёрышко, когда так наступаю человеку на палец. Может, посидим вот на этом бревне? Дадите ноге отдохнуть. Чертовски неловко с моей стороны. Надо смотреть, куда ступаешь, а?

— Право, неважно, мистер Блитерс, — поспешно сказал Робин. — Пойдёмте дальше, если вам всё равно. Мне надо быть дома через… через полчаса. Мы обедаем очень точно.

— Мне особенно хотелось, чтобы вы с Мод познакомились при вчерашних обстоятельствах, — продолжал мистер Блитерс, с сожалением поглядывая на бревно, которое они миновали. — Лучше и придумать было нельзя.

— Все говорят мне, что ваша дочь очень привлекательна, — сказал Робин. — Жаль, что мы не познакомились, мистер Блитерс.

— Познакомитесь, принц, никуда не денетесь. Она сегодня возвращается. Миссис Блитерс, по-моему, ждёт вас сегодня к ужину. Она…

— Тут, наверное, какое-то недоразумение, — начал Робин, но его перебили.

— Я как раз ехал на «Красную Крышу» просить вас и графа Квиддакса уделить нам сегодняшний вечер насчёт того небольшого дельца, которое мы устраиваем. Совершенно необходимо, чтобы это было сегодня: приезжает мой поверенный.

— Боюсь, миссис Кинг что-то задумала…

Мистер Блитерс пренебрежительно махнул рукой:

— Миссис Кинг вас, конечно, отпустит, когда узнает, как это важно. Собственно, либо сегодня, либо никогда.

В его голосе прозвучала нотка, которая Робину не понравилась. Она отдавала высокомерием.

— Я думаю, граф Куиннокс может уладить все подробности, мистер Блитерс. За мной, конечно, право вето, но я буду следовать совету своих министров. Вы можете без колебаний вести дела с…

— Не в том дело, принц. Я деловой человек — как вы, может быть, знаете. Я взял за правило иметь дело только с главой фирмы, простите за выражение. Неправильно, конечно, называть Грауcток фирмой, но вы понимаете. Фигура речи.

— Могу только заверить вас, сэр, что Граустарк в состоянии оградить вас от всякого риска убытков. Вы будете вполне обеспечены. Я полагаю, вы приходите нам на помощь не из филантропии, а как в чисто деловом предприятии. Во всяком случае, мы смотрим на дело так. Я прав?

— Совершенно, — сказал мистер Блитерс. — Пятнадцати миллионов на ветер у меня нет. И всё-таки не понимаю, при чём тут моя просьба, чтобы вы были сегодня на совещании. Скажу вам начистоту: я не люблю работать вслепую. За вами право вето, как вы говорите. Ну так вот: если я одалживаю Грустоку многие миллионы кровных долларов, мне вовсе не улыбается, что вам вдруг взбредёт в голову сорвать всю сделку только потому, что вам её изложил не я, а ваш кабинет, как бы толковы ни были его члены. Сведения из первых рук — вот что я называю простотой.

— Честность кабинета не подлежит сомнению, мистер Блитерс. Его члены ни разу не подводили Граустарк ни в…

— Прошу прощения, принц, — твёрдо сказал мистер Блитерс, — но, по-моему, они очень даже подвели его, когда влезли в этот долг России. Уж простите, что я так говорю, но это самая ослиная близорукость, о какой я когда-либо слышал. Мои рассыльные и те видели бы дальше ваших почтенных министров.

К его величайшему изумлению, Робин обратил к нему сияющие, взволнованные глаза.

— Вы правда так думаете, мистер Блитерс? — пылко воскликнул он.

— Ещё бы!

— Чёрт возьми, я… я не могу передать, как рад это слышать. Понимаете, ровно то же самое с самого начала говорил Джон Таллис. Он был яростно против займа. Он изо всех сил пытался убедить премьер-министра, что это неразумно. Я даровал ему особую привилегию — выступить по этому вопросу перед всей Палатой знати; до тех пор такой чести не удостаивался ни один иностранец. Я, конечно, был тогда мальчишкой, мистер Блитерс, иначе, может быть, положил бы конец… ну, не буду об этом. Палата знати пошла против его мнения и проголосовала за русский заём. Теперь они поняли, что милый старый Джон Таллис был прав. Мне почему-то приятно слышать от вас, что они были… кхм!.. близоруки.

— Чего вам в Гростике не хватает, так это побольше доброй американской хватки, — многозначительно объявил мистер Блитерс. — Если хотите тягаться с миром, надо браться за дело с головой, а не с этой идиотской штукой, которую называют верой. Нет нынче никакого милосердия между людьми, никакой доброй воли и прочей чепухи. Вот у вас, принц, начало отличное. В вас американская кровь, а это много значит. Послушайте моего совета и добавьте её побольше. Через пару поколений будет чем похвастаться. Берите пример с Таллиса. Растите сыновей, которые будут думать и действовать, как он.

— Кровь у нас, мистер Блитерс, одного цвета, — сухо сказал Робин. — Вы, видимо, советуете мне жениться на американке?

Мистер Блитерс расчётливо прищурился на верхушки деревьев.

— Я просто смотрю вперёд — ради собственной безопасности, принц.

— В каком смысле?

— Ну, я вкладываю в руки ваших людей уйму денег. Разве не естественно, что я немножко смотрю вперёд?

— Но мой народ честен. Он заплатит.

— Всё это я понимаю, но мне вовсе не улыбается когда-нибудь брать с голого рубашку. Сейчас самое время подумать о будущем. Ваш народ честен, допускаю. Но он и беден. А почему? Потому что некому было действовать за него так, как умеет действовать ваш друг Таллис. Придёт день, когда им придётся рассчитываться со мной, — и что, Уильяму У. Блитерсу заплатить будет легче, чем России? Ничуть. Я, как вы сами сказали, не филантроп. Я потребую полной и своевременной уплаты. Только я предпочитаю получать с богатых, а не с бедных. Это мне не по нутру. Вот почему я хочу видеть вас богатым и сильным — и честным тоже.

— Признаю, философия превосходная, — сказал Робин. — Но не забываете ли вы, что даже лучшие из американцев иной раз прогорают, когда дело доходит до накопления богатств?

— Поодиночке — да. Но не все вместе. Не станете же вы отрицать, что мы самый богатый народ на свете. Да, я советую вам жениться на американке.

— Иными словами, сделать из этого дело, — снисходительно сказал Робин.

— Ведь не исключено, что вы влюбитесь в американскую девушку, правда? Вы же не назовёте это делом, а?

— Можете быть уверены, мистер Блитерс, что я женюсь, чтобы угодить себе, и никому больше, — сказал Робин и посмотрел на него с такой холодностью, что миллионеру на миг стало не по себе.

— Что ж, — сказал мистер Блитерс, напряжённо подумав, — вам, может быть, интересно будет узнать, что я женился по любви.

— Интересно, — сказал Робин. — И я рад, что так.

— Когда я женился, я был сравнительно бедным человеком. У девушки, на которой я женился, были свои деньги. И голова тоже. Мы вместе заложили фундамент для… ну, для того состояния, которое у нас теперь есть. Состояния, добавлю, которое до последнего доллара достанется моей дочери. Это почти полмиллиарда долларов. Величайший король на свете нищий по сравнению с таким богатством. Моя дочь когда-нибудь станет самой богатой женщиной в мире.

— Зачем вы трудитесь посвящать меня в будущее своей дочери, мистер Блитерс?

— Затем, что считаю вас здравомыслящим молодым человеком, принц.

— Спасибо. А свою дочь вы, полагаю, считаете здравомыслящей молодой женщиной?

— Ещё бы! — взорвался мистер Блитерс.

— Тогда, по-моему, она сумеет распорядиться своим состоянием куда успешнее, чем вы думаете, мистер Блитерс. Она, несомненно, выйдет за превосходного малого, который сумеет её состояние умножить, а не оставит на той цифре, которую рано или поздно обгонит казна какого-нибудь честолюбивого короля.

В тоне князя была тонкая ирония, но ни следа обиды. И всё же мистер Блитерс побагровел ещё сильнее — и не от ходьбы. Он с трудом сдерживался. Что за дурак этот малый, если может насмехаться над полумиллиардом долларов? Он кое-как проглотил то, что подступило к губам, и очень вежливо заметил:

— Уверен, она вам понравится, принц. Хоть это и я говорю, но она красавица, каких поискать.

— Так мне и говорили.

— Вы увидите её сегодня вечером.

— Право, мистер Блитерс, я не могу…

— Я договорюсь с миссис Кинг. Не беспокойтесь.

— Позволено ли мне будет заметить, что миссис Кинг, как бы я её ни любил, не облечена властью распоряжаться моими поступками? — надменно сказал Робин.

— А позволено ли мне будет заметить, что ваш долг перед народом — как следует разобраться в моём займе, прежде чем соглашаться его принять? — сказал мистер Блитерс, поджав губы.

— Простите, мистер Блитерс, но не исключено, что Граустарк раздобудет деньги в другом месте.

— Не только не исключено, но и невозможно, — отрезал мистер Блитерс.

— Невозможно?

— Абсолютно, — сказал миллионер так многозначительно, что Робин был бы болваном, если бы не понял положения. Ясно как день: мистер Блитерс считал, что в его власти перекрыть Граустарку любой другой источник столь нужных денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.